Моя Мерлина

Автор:
Анастасия Головачева

Моя Мерлина

Анастасия Головачева

Что такое счастье? Откуда оно берется? Куда потом девается? Наверное, одна из причин его появления – это любовь. Наверное, она так же является и одной из причин его исчезновения. Главный герой Артур жил вполне удовлетворительно: бизнес, связи, деньги, любимые дети. Все у него было, но был ли он счастлив? Не был, потому что все у него было, кроме любви. Но судьба его переворачивается с ног на голову, когда он встречает необычную девушку. Он готов разрушить все, но принесет ли это счастье? Сможет ли Артур устоять под натиском любви? Об этом Вы узнаете в романе о любви, которая ломает.

Введение

Люди по природе своей несчастны.

Они всю свою жизнь занимаются тем, что ищут счастье, понимаете?

И не находят его. Точнее, находят, но снова теряют. Находят счастье, думают, что это оно и есть, а когда теряют, переубеждают себя, увериваясь в том, что это и не счастье было вовсе. Все счастливые люди, встречающиеся на вашем пути, счастливы временно. Так и умирают потом несчастными.

И вы так умрете.

Крепитесь.

Хорошо, если ваше очередное временное счастье будет не так сильно’, чтобы, испарившись, иметь великую возможность стереть и вас с лица земли. Хорошо, если после очередной такой потери радужного мирка у вас будут силы жить дальше. Зависит это во многом от вас, насколько вы фундаментальная личность, насколько ваш характер стальной, а ум здравый. А еще это зависит от величины вашего очередного счастья, от того, насколько оно бесчеловечно и готово вас растоптать.

Хотя, что это я…Страху нагоняю, атмосферу гнетущую…История ведь о любви. А если о любви, то нужно понимать, что, хоть она , любовь эта, и бывает периодически несчастливой, но она просто не имеет права не нести в себе светлое, прекрасное и радужное, ну хотя бы местами. Или нет.

Историю эту рассказал мне мой давний приятель. Сколько мы с ним знакомы? Лет десять? Чуть больше? Артур (так его зовут) взрослый мужчина, состоявшийся в карьером плане, тридцати шести лет отроду, успевший когда-то жениться, завести двоих детей и даже уже развестись. Артур имеет большую квартиру на восемнадцатом этаже в центре нашего города N, большую черную машину за несколько миллионов (я такие называю гробовозками, хотя в народе их кличут внедорожниками), загородный дом на берегу реки, вдоль которой стоит наш город N и стабильный высокий доход от весьма известной в нашей местности сети гостиниц. Внешность у Артура средняя для его среднего возраста, ничем не выдающаяся, средний рост, средний вес, среднее сердце, да все у него среднее, как ни щурься, не найдешь за что его хвалить, разве что за черный кожаный кошелек и огромные литые диски, но это все на любительниц. Все, что нужно, у Артура есть, кроме любви. Как я думала, кроме любви…

Время весеннее. Но это была не та весна, когда пахнет только что пробившейся зеленью, слышен искренне радостный щебет птиц, и солнце такое ласковое и теплое. Не майская весна, в общем. Пристально, хмуро и даже сурово исподлобья на нас смотрел товарищ Апрель во всей своей серой слякотной красе, уже основательно сменивший промерзлый почти зимний март.

Я сидела за кухонным столом, задрав ноги на расшатанный стул, на нос надвинуты очки в толстой черной оправе, волосы собраны в неаккуратный пучок, напоминающий стог соломы, напротив стыл стакан кофе, а в руках грелась только сегодня купленная новая книга, источающая приятный запах (Набоков, если вам интересно). Смеркалось. Тучи обволакивали вечернее небо выходного

дня. В моей небольшой квартирке на первом этаже старого панельного дома стояла приятная тишина, даже собака, обычно резвая, тихо сопела на коврике в коридоре. Ни что не предвещало нарушения моего уютного домашнего вечера, как вдруг стук в дверь. Да, это был Артур, как вы уже могли догадаться. Он стоял на пороге в серой шляпе с полями, с недельной щетиной, в заляпанном каплями грязи черном пальто и бутылкой красного в левой руке.

–Пройду? – устало и как-то очень уж печально буркнул он, глядя в пол.

–Конечно, – я отстранилась, дав ему проход.

Артур сделал шаг вперед, в квартиру, и только тогда я заметила черный пакет во второй руке. В нем звякнули бутылки – видимо, мой приятель был решительно настроен сегодня напиться, раз уж пришел с таким запасом.

Он скинул запачканные промокшие насквозь ботинки прямо посреди коридора, вручил мне свое пальто, от которого исходил не совсем понятный неприятный запах, в котором явно присутствовала примесь алкоголя и пота и чего-то еще, и двинулся по прямой, на кухню.

Я наблюдала за другом с неким недоумением, потому что обычно Артур ко мне без приглашения, тем более, в таком виде никогда за столько лет знакомства не являлся, между нами всегда была некая облачная субординация или что-то похожее на нее. А тут, видимо, совсем не к кому было прийти, вот и вспомнил сердобольную Настасью, как это делают и многие другие мои знакомые.

Артур грузно упал на тот самый расшатанный стул, который минутой ранее занимала я, отодвинул в сторону мокрой от апрельского дождя рукой моего Владимира Владимировича и примостил на его место свою шляпу, которая имела такой же помятый вид, как и ее владелец. Я села напротив, продолжая наблюдать, поймала взгляд его темно-карих глаз, которые были влажными, то ли от побившего их дождя, то ли от скупых наворачивающихся мужских слез.

–Выпьем? – дрожащим голосом произнес Артур. Голос его всегда был по-мужски приятным, даже сейчас, неестественно для своего владельца вибрируя, оставался привлекательным для женского уха.

–Ну, предположим, – произнесла я, приподнявшись за парой бокалов и штопором.

–Не задавай вопросов, Настя, – проговорил Артур, беря у меня из руки штопор, – сейчас я сам тебе буду все постепенно рассказывать, от самого начала и до сегодняшнего дня, времени у нас до утра, а то и больше. Вина я взял столько, что хватит с излишками. Если есть яблоко или кусок сыра, порежь. А на нет, и суда нет.

То ли в удивлении, то ли в ожидании, я приподняла бровь, послушно открыла холодильник, достала последнее яблоко и стала молча нарезать его на белую плоскую тарелочку. Артур уже раскупорил первую бутылку и разлил красное вино по бокалам, почти до краев. Я снова села напротив, пододвинув товарищу порезанный дольками фрукт и молча выжидающе смотрела на него.

I

Была суббота. Промозглая суббота начала декабря. Та декабрьская суббота, когда снег еще не успел выпасть, серый асфальт тротуаров и дорог источал леденящий холод, который зимний ветер подкреплял еще жестче. В нашем городе N стояла типичная для него зима, агрессивная, еще не смягченная пушистым или хотя бы мокрым снегом. А люди все ждали его и ждали… Ждал и я, кажется.

В ту субботу я шел по пешеходной улице, по той, которая называется Проспект N, в центре нашего города. Голову занимали мысли о налогах и не заключенных по разным причинам договорах, о персонале, который надо бы подсократить, о выручке от номерного фонда… О работе, в общем. О чем мне еще думать? Последние года два я только и думаю, что об обновлении номеров, тарифах с завтраком и без и о том, стоит ли урезать зарплату администраторам, чтобы поднять за их счет зарплату горничным или оставить все, как есть.

Я шел от бывшей жены в сторону дома, но решил свой путь немного разнообразить, сделав крюк по центру. Да, удивительно, но я двигался пешком, потому что машина осталась на работе, ведь пару дней назад мы с коллегами отмечали небольшой корпоратив в честь годовщины открытия моей первой

гостиницы. Вот я и бросил свой автомобиль на гостиничной парковке, а сам двинулся домой на такси, потому что даже два выпитых бокала шампанского для здорового мужчины – это уже повод за руль не садиться. После корпоратива я на рабочем месте еще не был (приятный бонус владельца – являться на работу в то время, которое мне кажется удобным или нужным), поэтому и двигался сейчас пешим.

А что я делал у бывшей жены? Ну как что, вчера была моя пятница – время, которое я по праву могу проводить со своими детьми. Их у меня двое – шестилетний сын Марк и пятилетняя крошка Элечка. Папины радости. К моему большому счастью, в маму они пошли исключительно внешне (да, моя бывшая жена безумно красивая женщина). Характер оба моих чада взяли от дедушки по папиной линии, от моего отца, что является для меня большим счастьем, ибо дед у них был человеком, воистину, замечательным! Год назад столько слов в его адрес было сказано… На похоронах всегда говорят много хорошего. Но про моего отца и при жизни говорилось не меньше. Надеюсь, то что я вижу отца в своих малолетних детях – это не только воображение любящего сына, но и данность. Хотя в возрасте Марка и Элечки ничего не может быть определено наперед, я не слепец, я все это прекрасно понимаю, просто захотелось помечтать.

Извиняюсь, я свернул в другую сторону от истории, которую собираюсь рассказать. Такие маленькие казусы могут происходить периодически, так как я человек весьма непоследовательный, хотя всеми силами с этим борюсь.

Я уже дошел до конца пешеходной улицы, героически пробравшись сквозь все эти кучные скопления людей, в основном молодежи. Для меня это подвиг в каком-то роде, ведь я считаю себя тем еще социопатом, хотя нам свойственно преувеличивать свои недостатки, в надежде на то, что нас из-за них пожалеют, так мы привлекаем внимание.

Через дорогу напротив меня возвышался памятник великому русскому деятелю Столыпину, а за ним прятался вход в парк. Точного названия этого парка я припомнить не могу, но лично я его называл «липким»,потому что во времена моего детства там были почти одни липы. Конечно, за тридцать с лишним лет многое поменялось, но в моей памяти название осталось неизменным.

Несмотря на переменчивый морозящий ветер, какая-то сила ностальгии, наверное, по детству, толкнула меня вперед, на пешеходный переход. Я перешел дорогу, шагая мимо машин, уступчиво остановившихся в нескольких метрах от заветных линий. Продвигаясь вперед мимо Столыпина, я по-детски кивнул ему – что-то вроде «здравствуйте». И вот я уже оказался за его высокой фигурой, моим глазам предстали те самые заветные черные вечно открытые ворота, украшенные коваными узорами. Этот парк заманил меня в детство. За железными прутьями, окутанными золотистыми лепестками, все было по-другому. Вокруг витал запах, похожий на цирковой, наверное, из-за стоек с попкорном. Вдоль асфальтовых тропинок теснились зеленые деревянные лавочки, сбоку от каждой стояли урны для мусора, но отнюдь не самые обычные, ведь мастера постарались и усадили на них металлические фигурки маленьких лесных обитателей – белочек, зайчиков, бабочек, жуков-оленей, божьих коровок. За спинами сидящих на этих лавочках людей громоздились деревья: конечно, по-прежнему, много лип, но были теперь уже и сосны, и небольшие дубы, и стройные клены. Все деревья, кроме хвойных, стояли уже лысые, дрожащие от холода, ровно как и фигурно остриженные кустарники. Птиц было много, как и всегда. В основном воробьи и голуби. Их всех манили сюда кормушки, развешенные по голым ветвям. Если задрать голову, можно увидеть и беличьи домики, прибитые к стволам некоторых деревьев. Особо везучие даже могли покормить белок с рук, если пушистые того хотели. Парк был немаленький. На территории кучковалось несколько детских площадок, обновленных пару раз со времен моего детства. Фонтаны давно были отключены, спали, тихо ожидая возвращения теплых дней, которые разбудят их вновь для круглосуточной работы.

Я шел по голому асфальту, замедлив шаг, вдыхая морозный воздух с запахом моего детства, замечтавшись о чем-то, решил присесть. Засунув руки в карманы серого зимнего пальто, я брякнулся на лавку в самом центре «липкого» парка. Надо мной простирались голые черные ветви, атакованные такими же черными птицами. Под ногами была рассыпана крупа. Видимо, кто-то, кто отдыхал тут до меня, подкармливал птиц, возможно добродушная старушка или одинокий пенсионер. Действительно, голуби толпились совсем неподалеку, наверное, я их спугнул своим появлениям, а между их широкогрудыми телами шпаной прыгали воробьи, несколько штук, очень юрких и прытких. Они-то первыми и вернулись к своему прикорму, смелые.

Взгляд от кормящихся птиц оторвался как-то неожиданно и своевольно. Глаза ,будто самостоятельно, без моего ведома, стали подниматься. Я уже смотрел перед собой. Просто так получилось. Мой взгляд через полоску асфальтовой

тропинки упал на молодую девушку, сидевшую на такой же зеленой лавке. Из-под болотной шапки с огромным помпоном вылезали русые волосы, касающиеся плеч. Половину лица прятал теплый вязаный шарф. Голыми руками с длинными пальцами девушка держала книгу. Она уткнулась в нее так тотально, что, казалось, даже если сейчас разразится буря, или град застучит по ее голове, чтения она не прервет. А я, в свою очередь, тотально уткнулся беспомощным взглядом в нее. Конечно, я взрослый человек, я не стану твердить о какой-то мифической любви с первого взгляда. Но и то, какая сила приковала мои глаза к ней, я тоже сказать не могу. Наверное, меня поразило то, как она впивалась в эту книгу. Есть категория мужчин, которые любят умных женщин, ну или женщин, жаждущих стать умнее. Я всегда считал себя таким. Девушка с книгой в руках – это, честно признаться, зрелище от части возбуждающее. В тот момент я очень надеялся, что в руках моей ученой Афродиты не бульварный роман. Ну и учебник физики я там увидеть не хотел, нет, ведь я понимал, что глаза не будут так жадно пожирать формулы плотности или массы тела. Но вот как узнать, что она читает? Она неотрывна от своей книги. Да и я не могу на нее пялиться вечно в упор, в конце концов, это просто неприлично! Я отвернулся. Смотрел в сторону. Не знаю, сколько минут прошло. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как она читает на этой зеленой лавке в окружении морозного воздуха, ведь она тут сидела еще до моего прихода. Наверное, это меня и спасло – время. Недолго мне пришлось рассматривать пустоту, девушка зашевелилась, это я засек краем глаза. Машинально мое лицо дернулось, повернувшись прямо на нее. Она как раз захлопнула свою вожделенную книгу с загнутым в середине листом. Моя богиня ума и, надеюсь, еще и красоты засекла взгляд своего новоиспеченного поклонника. Она ответила на тот взгляд прямо, я бы даже сказал, пристально. Большие круглые глаза резко смотрели из-под надвинутой на лоб шапки по центру моей физиономии, которая, я уверен, выглядела тогда глуповато.

–Я заметила, что Вы смотрели, – вдруг неожиданно и достаточно громко произнесла она сквозь шарф, укрывающий губы. Достаточно громко, чтобы я услышал.

Да уж, у меня не было иного выбора, кроме как остолбенеть, продолжая выставлять напоказ физиономию слабоумного вида.

Она продолжила:

–Но я была занята, как вы могли заметить, поэтому решила повременить с приветствием,– ее тон был по-юношески дерзок и нагл, но не воинственен, – думала, может вы перестанете пялиться и уйдете. Пялиться вы на время перестали. А вот уйти… – она вздохнула через шарф морозный воздух и продолжила, – Ну раз уж ваши глаза сами ко мне приковались, пришлось заговорить, – моя незнакомка пожала плечами, достала из-за спины маленький кожаный рюкзачок и хотела, было, убрать книгу.

–Подождите! – я резко, словно автоматом, поднялся с лавки и протянул руку навстречу таинственной особе, чьего лица я так и не узрел из-за злополучного шарфа.

Меня поднял мой инстинкт, инстинкт размножения, как обозначил бы его товарищ Фрейд, инстинкт, который толкал меня узнать, что за зеленая книга была в руках у моей собеседницы. Желать или не желать? Да, в данном случае вопрос был именно в этом. Почти шекспировский выбор.

Юная особа смотрела на меня в неодобрительном недоумении. По крайней мере, именно это говорили ее глаза. Я оробел.

–Я хотел бы узнать, что Вы читаете, – уже менее смело, чем секунду назад произнес Артур, похоронивший только что в себе самца из-за своей робости.

Заранее извиняюсь за очередную нелепую привычку – говорить иногда о себе в третьем лице. С этой заразой я тоже старательно борюсь.

–Достоевский, – твердо произнесла юная особа, все же убрав книгу в свой рюкзачок.

Девушка, читающая Достоевского – это опасно. И хоть эта мысль устроила секундную бурю в моей голове и даже попыталась там фундаментально примоститься, я был уже сражен, хотя, возможно, сам еще того не знал.

Так случилось знакомство вовсе не самца Артура с его самой всепоглощающей страстью в жизни.

II

Я, ведомый какой-то мистической силой, непонятной моему разуму, двинулся прямиком в сторону моей теперь уже собеседницы через полоску серого асфальта между нашими лавками.

–Девушка, которая читает Достоевского – это сильно, – произнес я, благо, ума мне хватило, чтобы не говорить, что это опасно, как секунду назад шепнуло мне мое подсознание, – и достойно уважения, – решительно добавил я, – особенно в вашем возрасте, – я было осекся, но, все же произнес и это.

–А откуда вы знаете, что обычно читают в наше время девушки в моем возрасте? – собеседница приподнялась с лавки, оттянув от лица свой злополучный шарф, который так долго прятал от меня мою Афродиту с недюжим умом и богатым внутренним миром, в чем я был уверен. – Вы какой-нибудь профессор в каком-нибудь N-овском ВУЗе?

Наконец-то ее губы и носик предстали моему взору, полностью закончив образ ее прелестного лица. Губы, как наливные сочные вишни, такие пухлые, обрамляли маленький ротик этой юной особы. А носик, такой аккуратный и чуть вздернутый, подчеркивал ее молодость. Несколько секунд я завис своими похотливыми глазами на ее дивном ротике, но вовремя одумался, чтобы не вызвать нелепых подозрений и издевательских смешков.

–Нет, не профессор, – сказал я, наконец оторвавшись, – но и я когда-то был вашего возраста, а значит, общался и с девушками вашего возраста.

Она засмеялась, в звуках ее удовольствия я отчетливо слышал саркастические намеки. Рюкзак уже был накинут на плечо, и она двинулась вперед, шаркая тяжелыми черными ботинками по тропинке, поверхность которой казалась хрупкой под натиском нарастающего морозца. Я поплелся за ней, потому что мое тело уловило в ее движениях призыв «пошли, я не против». Да и пару шагов спустя она продолжила диалог:

–Ну раз ты не профессор, то и «выкать» тебе не обязательно, – ее губы покрывала улыбка, буквально манящая, – хотя я тоже уже не студентка.

–А кто ты? – искренне заинтересовался я, продолжая идти рядом с ней.

–Мэрлина.

Я промолчал. Попытался вразуметь, что значит это ее «Мэрлина», имя или, может, какая-то новая профессия, скажем, в бродячем цирке. Она поняла, что происходит в моей голове, и добавила:

–Зови меня Мэрлина.

–Это имя у тебя такое?

Она кивнула, локоны русых волос прыгнули на плечах.

–Прямо по паспорту?

–Хм, то, что ты не профессор, я уже поняла. Стало быть, следователь?

Моя таинственная попутчица явно была недовольна реакцией ее почти уже слуги, совсем уже покорного.

–Нет-нет, что ты! – я судорожно замахал руками. – Просто имя такое необычное, звучное, не встречал…

–А сам-то? Кто? – перебила Мерлина.

–Артур.

–Ну, хорошо, что, скажем, не Саша.

–А чем тебе не угодили Саши? – я спросил, предвкушая историю о каком-нибудь гадком бывшем, но все оказалось проще.

–Потому что Саша – это, наверное, самое распространенное имя в современной России, – твердо заявила Мерлина, – поэтому я не люблю Саш. И следователей, – добавила она, серьезно выстроив брови над дугами красивых, как оказалось,

серых глаз, – так что хорошо, что ты не следователь.

Мы продолжали идти бок о бок с этой таинственной особой вглубь по парку. Кажется, она направлялась к выходу. Да, ее общество вдохновляло меня вдыхать морозный воздух настолько, что даже зимний ветер, который внезапно поднялся, меня не смущал. В мыслях Мерлины и рядом не было всего того, о чем думал я. Ни дороги домой, ни пути на набережную. В голове Мерлины, как окажется потом, вообще редко бывает такая бренная рутинная информация, голова Мерлины настроена совершенно на другой лад.

–Кого еще ты не любишь, Мерлина? – я продолжил разговор, нарочно назвал ее по имени, хоть оно и было достаточно длинным, хотел укрепить завязавшийся между нами узелок общения.

Но эту девушку не проведешь, она, будто сенсор, который чувствует, слышит, видит все, если ей это, конечно, интересно. Она поняла мою фишку с именем, потому что меня выдал деловитый и заинтересованный тон, которым я озвучил последнюю фразу. Я прочел это в ее лисьем взгляде, мельком брошенном в мою сторону. Мерлина ухмыльнулась, причем весьма самодовольно, и ответила:

–Если ты окажешься тем, кого я не люблю, АРТУР,– имя она нарочно подчеркнула интонацией голоса, – я просто перестану с тобой говорить.

Прямолинейная, ничего не скажешь. Себе на уме. Необычная, как и ее имя. Так легко пошла на контакт со странным мужиком, который нагло за ней увязался. Причем, я явно видел, что не вызываю у нее симпатии. На влюбчивую в абы кого дурочку она не смахивала. Самый верный вывод – просто Мерлина коротала время с незнакомым человеком, чтобы было нескучно. Ну и доминировала. Ей явно нравилось ощущать свое превосходство над представителем сильного пола, еще и старшего возраста. Ох уж эта Мерлина…

Шли мы так, словно нас соединяло не пять минут, а пять лет, не легкого знакомства, а тесной дружбы. Немного болтая ни о чем, немного помалкивая, расставляя по местам все вазочки на полочках в наших головах. Как вышли из «липкого», я и не заметил, слепо и ведомо шагал за Мерлиной по путям, которые давным-давно были проторены ей для себя самой. Казалось, я узнал о ней все, не узнав ничего. Всю дорогу со мной говорило мое сердце, шаг в шаг отдаваясь в

голове, говорило со мной о Мерлине.

Я опомнился в окружении старых двухэтажек в центре нашего города. Бледно-желтые, грязно-розоватые, они скучковались, образовывая свой особый райончик благодаря ауре собственной старины. Казалось, эти древние жилые домишки даже людей приволокли своих собственных, из прошлого. Во дворе одного из них мы и остановились.

«Хороший выбор», – подумал я, снова удивившись решению Мерлины, которое тоже характеризовало, как мне казалось, какую-то из ее частичек.

Атмосфера была многозначительная. В этом дворике с кривоватыми лысыми деревцами и покосившейся лавчонкой пахло так, будто запах таил в себе галлюциноген, открывавший перед глазами картину тридцатых годов. Хотя я в том историческом периоде не смыслю, знаю о нем, разве что, из учебников истории и рассказов деда, но мне показалось, что сейчас я именно в нем, именно там, я видел его. Один единственный подъезд бежевато-серого дома был прикрыт покоцанной деревянной дверкой, которую чуть шевельни, заскрипит на весь двор, окаянная. У лавки мусорное ведро, вынесенное, видимо, из квартиры одной из местных пенсионерок, борцов за чистоту и уют в родном до мозга костей дворе. У ведра кошка, чья расцветка просто кричала о том, что зовут ее Мурка и никак иначе. Вялая песочница с давно облезлым грибочком говорила, что в этом доме, как и в похожих соседних, даже живут маленькие дети.

Именно тут, на этой косоватой лавчонке Мерлина решила приземлиться. Я стоял напротив и наблюдал за тем, как девушка, уже удобно усевшаяся, сняла с плеча свой рюкзак, открыла его и достала бутылку с содержимым золотистого цвета, полуопустошенную, без этикетки. Тонкие длинные пальцы обхватили пробку, отвернув ее. Мерлина прильнула пухлыми обветренными губами к горлышку и отпила.

–Что ты пьешь? – спросил я.

–Медовуху. Хочешь? – она протянула мне открытую бутылку, которую уже хорошенько опустошила.

Я, как человек весьма брезгливый, хотел, было, отказаться принять столь нескромный дар от совершенно незнакомой девушки, но мой взгляд снова пал на

ее губы, большие и чувственные, и я, как какой-то подросток, несмотря на свои «за тридцать», решил согласиться, только лишь для того, чтобы получить от нее косвенный поцелуй. Таково было желание, которое во мне породил романтик, только что очнувшийся от долгого сна.

Моя рука, слегка подрагивая, потянулась за этим желанным сосудом. Да, когда я брал бутылку из рук Мерлины, банально, но факт, я прикоснулся своим трепещущим мизинцем к ее холодному шелковому пальчику. Внутри все сперло. Одно мгновение длилось то прикосновение, но я выучил тот кусочек тела Мерлины от и до, наизусть. Нежность, гладкость, температуру и даже отстраненность, которую ее пальчик демонстрировал покорному слуге Артуру, готовому уже было облобызать его со всей мыслимой и не очень страстью.

Для меня самого, точнее для разума моего, было еще непонятно, своя Мерлина или чужая. Стоит ли пить с ней из одной бутылки, трогать ее руки, дышать запахом ее духов, в конце концов, таких непривычных для обоняния, видимо потому, что они были дешевыми, а не как я привык. Да, я был ценителем женского парфюма. К этому меня сначала приучила жена, чьи вкусы были весьма избирательны, а потом и любовницы, которых я выбирал не ниже определенного уровня. Мерлина же брызгалась чем попало столь естественно! Натуральный запах ее кожи просто не оставлял выбора ее туалетной воде – той приходилось благоухать, как весеннему ландышу на рассвете на лесной опушке. И как бы мой разум не сопротивлялся, стены его обороны падали перед истерическим биением сердца, которое кричало: «Пей! Трогай! Нюхай!»

Я сделал глоток медовухи. Вкус на моих губах был так сладок. Мой мозг буквально обволокла уверенность в том, что сладость эта происходила не от напитка, а от той, кто пил его до меня. Мне доводилось и раньше пробовать эту разновидность алкоголя, но такой изумительной, как сейчас, в ту пору она не была.

–Ты любишь медовуху? – спросил я, возвращая бутылку.

–Да, – Мерлина уже закрывала крышку, – мой любимый алкоголь. Такой вкусный. Так ласково пьянит мозг в отличие от других. Но пью я ее крайне редко.

–Почему же? – я позволил себе присесть рядом на косую лавочку.

–Потому что денег нет,– Мерлина саркастически выставила напоказ свой язык, явно поддразнивая меня, – она вдвое дороже того же пива. А если я хочу напиться, то предпочитаю цену качеству. Медовуху же покупаю строго для души, чтоб побаловать себя.

О, я готов был тогда скупить все литры этого напитка в близ лежащих пивных магазинах. Но мой порыв вовремя остановили правильные качества: умение сдерживаться и вести себя прилично. Я решил, что эту девушку нельзя пытаться купить. Надо действовать как-то иначе.

Мерлина же поднялась с лавки, отряхнула заднюю часть бедра и вскинула рюкзак на плечо.

–Спасибо, что проводил,– она двинулась в сторону того самого единственного подъезда с обшарпанной дверью.

Я смотрел не удивленно, нет, скорее ошарашено. Она прочитала все эмоции в моем взгляде. И то, что я был удивлен, что пристанище моей девы находится в столь убогом помещении, и то, что моя дева меня сейчас же покидает.

–Если хочешь, приходи ко мне пить чай. Правда у меня ремонт и тараканы, но чай, все же, отменный,– моя Мерлина пожалела меня, как любая настоящая девушка, она не могла выносить столь жалостливых глаз, какие были у меня в тот момент, – естественно, в другой раз.

Мерлина скрылась за толстой коркой старой деревянной двери, а я, как конченный дурак, так и остался стоять посреди древнего советского дворика.

III

И вот после очередного краха на поприще любовных игрищ ты вновь зарекаешься, что больше ни-ни, любви, мол, нет, еще раз и ни разу. Живешь себе, задрав горделиво нос кверху, кидаешь на противоположный пол взгляды, наполненные лишь скептической оценкой и отсутствием чувств… Как вдруг…Появляется кто-то, кто, словно острым ногтем указательного пальца

отскрёбывает с твоего, казалось, зачерствевшего сердца корку, оголяя мясо, которое все еще способно кровоточить, выделять лимфу. Поначалу ты, словно под опиумом, теряешься в забытьи, завалив хламом романтики прошлый горький опыт. Вникаешь при каждой встрече в глаза, смотрящие в твою сторону, улавливаешь каждую интонационную подвижку слова, которое пускает этот новый кто-то в твой адрес при вашем разговоре, ожидаешь встречи, хоть мимолетной. В общем, начинаешь все заново. Таков уж человек, ты никуда от этого не денешься. Но вот, вновь наполненный романтическим воодушевлением, ты узнаешь нечто, что снова разобьет, нет, размозжит твои чувства о холодный и жесткий бетон реальности. Например, случайно узнается, что твоя мнимая новая вторая половинка уже кем-то занята. Особенно болезненно, если этот кто-то будет хуже тебя. Тогда вопросы "как?" и "почему?" будут тяжелым чугунным молотом отбивать в твой разум, оставляя в нем отзвуки лютой боли. Или окажется, что ваши разговоры так теплы и кротки, потому что этот кто-то нашел в тебе лишь друга, которого так долго ждал и звал. Для него эта дружба может быть чем-то дорогим и ценным. Но для тебя это ЛИШЬ дружба. Или окажется, что этот человек просто чуток, добр и вежлив душой, а ты за бельмом опьяняющего чувства надумал себе уже целые сюжеты самых острых и волнительных историй о вашем будущем. В общем, много что может свалиться на твою голову озарением, разбивающим в пух и прах все твои новые надежды и мечты о романтике и влюбленности. Не важно, что это будет. Важно, что череда событий, разбивающих твое сердце, вновь повторится. И ты снова будешь зарекаться и обещать себе, что ни-ни, любви, мол, нет, еще раз и ни разу. Ты будешь уверен, что в этот раз сдержишь обещание, потому что хватит тебе уже терпеть боль разбитого сердца, надоело его зашивать, ведь места нет уже живого, одни нитки, все штопано. Скрепя зубами, впивая ногти в ладони, дома ночью в одиночестве ты разрушишь очередную иллюзию любви в своем сердце. До тех пор, пока это не повторится снова. И проблема не в этом. Проблема в том, что для таких жизненных путей существует некая развилка… Либо в конце всех этих круговоротов ты поймаешь за хвост свою золотую рыбку, ну ту, которую зовут Любовь До Гроба. Либо ты настолько очерствеешь, нет, станешь камнем, который уже не расковыряешь ногтем чьего-то указательного пальца, и этот каменный циник уже никогда не сможет дождаться настоящей любви и познать с ней счастье. И вот в чем настоящая проблема – дождаться, не став циником.

Я думаю, эта история всем нам знакома, или хотя бы многим. Тем, кто спотыкался о любовные камни, уж точно знакома. Я был весьма влюбчивым ребенком, начиная со средней школы. Помню, как девочка с веселыми бантиками на двух вечно завитых хвостиках крутила мной, Артушкой, как она любила меня называть, целых два года, пока не взялась за спортсмена Вовку,

красавца по сравнению со мной. Так о широкие Вовкины плечи разбилась вдребезги моя первая любовь. Я тогда много плакал, бил кулаками неживые твердые предметы вроде стен и дверей, зарекался мамке, что после этой крыски, как я тогда обиженно отзывался о той девчонке, я больше на этих всяких профурсеток вообще смотреть не буду. Было больно. Такова первая детская неудавшаяся влюбленность. Потом уже в выпускном классе в самом начале учебного года, золотое сентябрьское солнце открыло мне глаза на новую девицу, отличницу Лиду, которую я раньше никогда не замечал. Прокрутил я с Лидой до поступления в университет. Мы выбрали разные ВУЗы, но продолжали встречаться, пока Лида не нашла себе на своем факультете нового хахаля. Расставание было болезненным. Тогда я ушел в загул – месяц пил. Ох, сколько паленого алкоголя прошло в те дни через мои внутренние органы. Но ничего, обошлось. Забывался после запоя еще долго, но уже более приятными способами, в объятиях сокурсниц. И хотя после Лидки я снова зарекался, что на баб смотреть не буду, одна из тех утешительниц меня смогла окрутить. Она была самой видной девицей на всем курсе. А я – самым перспективным пареньком, за что спасибо моим мозгам и папиным деньгам и связям. Моя новая пассия отлично это понимала. Она решила поменять свою красоту (большую грудь, тонкую талию, округлые бедра, густые черные волосы, длинные ноги и тонкие прямые черты лица) на мои будущие деньги. Хотела создать такой симбиоз и жить долго и счастливо. Но я был не готов. Тогда она решила подсадить меня на страшный крючок, с которого порядочный мужчина не соскочит. Она сказала, что беременна. Не буду вдаваться в подробности, но быстро выяснилось, что новость о грядущем отцовстве – полная ложь. Так моя очередная любовь разбилась о корысть и вранье одной красивой хитроумной стервы. И снова пьянки, гулянки… В общем, обезболивал свое изнова раненное сердце сладкими анестетиками греховности. Последующие случайные связи уже не были любовью и вообще не имели намеков на что-то серьезное. Я зарекся, что с этими всеми мегерами, от которых одни беды, я связываться не хочу и не буду. Это продолжалось долго. Пока я не встретил свою жену, которая с тех пор мне успела стать и будущей, и бывшей. Эта сильная женщина буквально вдолбила, сама того нехотя, в меня уверенность того, что это уж точно настоящая любовь, последняя, до гроба. Свадьба, первая настоящая моя свадьба, эту уверенность еще туже во мне зацементировала. А уж рождение Марка, а потом и Элечки эту уверенность во мне сделало непоколебимым. Но ничто не вечно… Мы развелись. Я не хочу сейчас углубляться в причины этого развода и вообще во всю эту мою семейную историю, просто мы развелись и в один миг стали с моей бывшей женой чужими людьми, которые видятся и ведут диалог только лишь из-за наличия общих детей.

Так вот, после этого развода я был уверен на 101%, что стал тем самым циником, о котором упомянул раньше. Я был уверен, что больше мои глаза не заволочет туман, что слух не сотрясется от звона, что руки не затрясутся от тяги.

Но вот забава, вот беда… Уже который час я сижу в своем огромном черном кресле в кабинете, заваленный какими-то коммерческими предложениями и черт знает чем еще, и думаю о Мерлине.

Шел второй день с тех пор, как за Мерлиной захлопнулась старая тяжелая подъездная дверь. Помню, как постоял в том дворе какое-то время, как побрел домой, как проспал очень долго, как все свободное и не очень время думал о Мерлине. Я думал о ней, как о наваждении, сбившим меня с ног и разрушившим все вокруг, но это было так приятно. Что это такое? По Фрейду это играл инстинкт размножения, ввиду которого старик Артур влюбился в молодуху. Так бы обозначили мою ситуацию всякие циники. Я знаю это, потому что и сам обозначил бы чью-то похожую ситуацию точно так же несколькими днями ранее. Люди, чье сердце еще не превратилось из цветка в камень, сказали бы, что это любовь с первого взгляда. К такому ответу склонял скептика внутри меня и недавно проснувшийся, нет, скорее воскресший, романтик. В любом случае, покой я потерял. Я завис. Завис на этих мыслях о Мерлине, девочке в шапке с помпоном и громоздких ботинках.

Интересно, мне с ней вообще что-то светит? Может, я напрасно мечусь тут из угла в угол из-за какой-то незнакомой чудоковатой девчонки? Я взрослый уравновешенный мужчина, и пора мне, пока не поздно, взять себя в руки и выбросить из головы всю эту околесицу вместе с ее главной героиней.

Мои тяжкие думы перебил стук в дверь.

–Артур N-ович, Вас ожидает женщина, пришла по вакансии заведующей отделом кадров.

То была моя помощница Галка. Серьезная дамочка, честно говоря. Но сейчас мне до ее серьезности не было никакого дела. Я вскочил, сдернул с вешалки пальто и на ходу выпалил тревожным, но радостным голосишкой:

–Пусть ожидает! Меня ни для кого нет!

Я промчался мимо Галки, хлопнув дверью своего кабинета. И был таков.

Вот я уже еду по центральным улицам нашего города N на своей машине. Еду в сторону того самого двухэтажного старого дома, который скрыл от меня мою Мерлину. Несложно понять, что циник внутри меня был отправлен в нокаут. Видимо, романтик очень хорошо выспался и набрался сил, а теперь доминирует и властвует в моем внутреннем мирке. Я уже чувствую, как там идет перестановка мебели, если не капитальный ремонт.

Мерлина сказала, что я могу зайти к ней на чай… Я остановился, припарковавшись наспех на тротуаре, чтобы купить к чаю пирожных, не идти же с пустыми руками. Пара минут, и свежайшие эклеры в розовой коробочке были уже у меня в руках. Я нырнул в машину и направился дальше. Тот самый квартал. Встречай меня, старый двор, я приехал! Припарковался кое-как и кое-где, вышел. Пройдя мимо ненужных домов, я направился к тому, где живет моя Мерлина. Но что если… Мерлины нет дома? Подожду. Так, стоп! Я же не знаю, в какой квартире она живет! Вот дурень, совсем мозги заплыли. А я ведь уже подошел к тому самому зданию. Обойду его, и перед глазами уже встанет тот самый подъезд. Куда я иду? Дурак… И я зашел во двор. Во двор того дома, в котором жила та девушка, чьей квартиры я даже не знаю. Зашел, готовый, как школьник, ждать ее на косой лавке, хоть до завтрашнего утра, лишь бы эклеры сохранили свою свежесть.

Сидит. Она. На той самой лавке! В той самой шапке! В руках, кажется, та же книга. Уткнулась, читает, не замечая мира вокруг себя. Хоть ядерная бомба взорвется на горизонте – эта девушка не оторвется от своей книги. А я уставился на нее, на мою Мерлину. Я бы тоже не заметил взрыва ядерной бомбы – так пленила мой взгляд эта девушка.

–Ох уж эти читающие девки, с придурью они все, беды от них жди, – за моей спиной послышался старческий мужской голос.

Я обернулся. То был дворник, типичный пожилой дворник, с метлой, седыми усами, грязным зеленым фартуком на темно-синей фуфайке.

–Папироски не найдется? – прохрипел он.

Я протянул ему пачку «самца» с последней сигаретой и направился к Мерлине. Наверное, этот дворник хорошо знал девушку, чей двор он периодически мел. Наверное, он знал, что говорит. Но я не придал значения. Я направился к Мерлине. А ведь его слова отпечатались в моей памяти… Не спроста.

–Привет, я пришел на чай.

Несчастный мужчина стоял над читающей девушкой, дрожащей рукой протягивая ей розовую коробочку с эклерами. Мерлина подняла голову, но я отчетливо видел, что в планах у нее этого не было, уж больно она вросла к моменту моего прихода в эти книжные страницы.

–Достоевский кормил понемножку, дразня аппетит. Теперь же голод так велик, что оторваться от книги уже видится невозможным, – произнесла Мерлина ровным тоном.

Я видел, что она не хочет меня обижать. Но в книгу она, действительно вросла, отрываться ей, видимо, было болезненно. «Незваный гость хуже татарина» – эта поговорка подходит к ситуации на полторы сотни процентов. Мерлина снова уткнулась в книгу. Благо, оставалось немного, страниц пятьдесят, может, чуть больше. Я готов был подождать. Сел рядом с ней на лавку, между нами поставил заветную коробочку, чтобы исключить возможность подвинуться к этой девушке поближе, так боялся разозлить ее, если нарушу ее личное пространство.

-А что, если бы я не сидела тут? Пошел бы по квартирам?

Книга громко захлопнулась на первом звуке первого слова, произнесенного устами Мерлины. Сколько я тут просидел, смотря то вперед на – обшарпанные перила песочницы, то вверх – на грязноватого цвета облака, плывущие по беспокойному небу, то еще куда-то… Мерлина дочитала быстро, хотя старалась она явно не ради меня.

–Я бы подождал тебя здесь.

Между нами все еще стояла та розовая коробочка, как мнимый символ некоего барьера. Даже в начавшемся диалоге я ощущал эту невидимую кондитерскую

стену межу нами, специально мною возведенную из-за затаившейся внутри трусости.

–А если бы я не вышла день?

–Я бы не стал ждать день, – мой ответ прозвучал, казалось, уверенно, но в голове какой-то черт, видимо, сидящий на моем левом плече, ехидничал, мол, стал бы, еще как.

–Ладно, раз уж я тебя позвала пить чай, то пойдем, – тон ее был не очень довольным, потому что мой ответ не удовлетворил ее эго. Девушка встала, сунула книгу под куртку и пошла к той самой злосчастной двери, которая виделась мне врагом номер один в день нашего с Мерлиной расставания.

Я следовал за ней. Коробочку свою не забыл, хранил ее бережно, как зеницу ока. Мы зашли в подъезд. Света не было, только сквозь окна лестничного проема пробивались слабые солнечные лучи, еле выглядывающие из-за плотных декабрьских облаков. Запах стоял тяжкий и фундаментальный. Он говорил о том, что в подъезде живут чистоплотные люди старой закалки, моют лестницу, стены, следят за порядком, но они стары, как и каждый кирпичик, каждая капля краски на стенах этого здания. Да, пахло устоявшейся старостью.

–Не упади, – предупредила спутница, поднимаясь вверх по ступеням, которые сама знала наизусть.

Я старался следовать ее совету, борясь с покатостью лестницы и отсутствием освещения. У меня получилось. Не ударил в грязь лицом.

На втором этаже мы встали перед очередной деревянной дверью. Спутница загремела связкой ключей. Несколько секунд, замок уступил, дверь отворилась.

–Проходи.

Рыжие полы общего коридора заскрипели под нашими ногами. Особенно громко (громче, чем мои) застучали ботинки Мерлины по этому многолетнему дереву, тух-тух-тух… Девушка зашагала к очередной двери, ее спутник следовал хвостом. Запах общего коридора, устаивавшийся тут много лет, спирал нос.

Очередной замок отворился, пропуская хозяйку квартиры внутрь, я следовал за ней. Темный коридорчик: длинная вешалка для верхней одежды вдоль стены, низкая тумбочка для обуви, к слову, забитая этой самой обувью до предела, грязный полосатый коврик на входе, высокие стены, в потолке обнаженная одинокая лампа без люстры.

Мерлина скинула с себя куртку, повесила на ту самую вешалку. Ботинки кинула в угол и направилась к проходу, видимо, на кухню, сказав:

–Следуй моему примеру.

Я так и сделал, только ботинки свои не раскидал, а аккуратно поставил возле тумбочки, думая, что девушка, пленившая мое сердце, оказалась, на удивление, неряшливой. Об этом говорило не только то, как она раскидала ботинки, но и состояние ее квартиры. Начиная с коридора, который не пылесосили, ну, по крайней мере, не меньше месяца. Проследовав за хозяйкой, я оказался на кухне. Картина перед моими глазами была не самой ясной и чистой: пожелтевшие кружевные занавески, несколько лет назад бывшие белыми, прикрывали деревянное окно, с которого так и норовила сбежать давно полопавшаяся краска; возле настенных часов красовался жирный рыжий таракан, явно чувствовавший себя хозяином помещения; в раковине посуды было немного, две тарелки, два стакана, но мытья они пока не дождались.

Я привык к порядку. Мужчина, чья бывшая жена терпеть не могла наблюдать соринка на коврах в своем доме, просто обязан был приучиться к порядку. И порядок мне нравился, поэтому после развода я нанял уборщицу, пожилую добродушную женщину, которая приходила в заданное ей время и держала мою квартиру в чистоте и порядке, создавая там желанный уют.

Мое первое впечатление от места, в которое привела меня эта юная особа, было просто выгравировано на гладковыбритом лице. Мерлина все заметила.

–Оправдаюсь один раз, – начала она, ставя чайник на плиту, – у меня ремонт, и я не вижу смысла драить эту палубу, пока все то ледовое побоище в комнате за стеной не завершится. А про тараканов я тебя предупреждала. Этого зовут Адольф, – Мерлина кивнула в сторону упитанного наглеца на стене у часов.

Я, было, открыл рот, чтобы начать оправдываться, но хозяйка перебила:

–Не надо сейчас отнекиваться. Твое лицо просто кричало, что я неряха. Кстати, да, еще та неряха! Отрицать бесполезно, – на ее лице еле мелькнула таинственная улыбка, говорящая о том, что она гордится своими недостатками.

Чувство, одолевшее меня в тот момент, было столь несвойственно моей натуре: стыд за то, что кто-то неряха, а я – нет. Вот как грозно и всеобъемлюще ломала меня изнутри эта таинственная молодая девушка, переворачивая все мои фундаменты легким взмахом чуть подкрашенных ресниц.

Мое погружение в угрызения совести перебил свист чайника. Хозяйка выключила плиту и открыла скрипучие дверцы подвесного шкафчика. Передо мной на стол были выставлены несколько золоченых пакетов с рассыпным чаем. Я немного смыслил в этих напитках, поэтому надписи на этикетках меня удивили – у этой девушки правда был вкус, чайный вкус, и любовь к этому напитку. Улун, ройбуш, белый трех видов, зеленый двух, черный пяти! И на десерт – пу-эр, мое любимое чайное лакомство… И все эти пакетики были выходцами из самого лучшего чайного магазина нашего города N. Я сам там порой отоваривался, правда, не с таким энтузиазмом и познанием.

–Выбирай, – протянула Мерлина, глазами кивая на свой личный прилавок бесплатных пробников.

Да, знаю, пу-эр я люблю. Но не стал. Я решительно предоставил выбор ей, желая выведать, куда падет стрелка ее вкуса. Черный с какими-то добавками. Ну-с, посмотрим. Хотя я уверен, что мне понравится – так сильно к тому времени я уже был окутан в эту тягучую, липкую, но такую приятную паутину больше, чем симпатии.

Мерлина ложечкой закинула часть содержимого пакетика с позолоченными узорами в стеклянный чайник, который достала с полки над кухонным столом. Чистота чайной посуды, которая стояла перед нами, подчеркивала ее любовь к чаевничеству еще больше. Кипяток обволок содержимое чайника, и восхитительный аромат цитруса и какой-то кондитерской сладости прокрался к нашим носам.

Честно сказать, коробочку с моими пирожными Мерлина открывала без особого желания. Она объяснила это тем, что не хочет портить сладостями вкус чая, который от них приглушается, но из вежливости она, все же, откроет и даже

поест вместе со мной принесенное угощение.

Чай был уже разлит по чашкам. Горячий и ароматный парок витиевато и еле зримо устремлялся вверх, щекоча носы своим манящим ароматом.

–Ты знаешь, мне кажется, надо пить больше чая. Это решает многие проблемы, – сказала Мерлина, сидящая напротив меня, задрав ноги на стул, и отхлебнула немного из своей небольшой и белой чашки, такой же, как у меня.

–Какие, например?

–Например, нехватки тепла.

После мы с Мерлиной молчали. Я тоже пил чай. Вкус плотно заваренных чайных листьев, апельсина и горького шоколада обдавал всю полость рта. Мне понравилось. Я думал над ее словами. Она – над чем-то еще.

-Ну что, я выполнила свое обещание? – спросила Мерлина после того, как мы допили.

Я кивнул.

–Тогда пошли на выход, я тебя провожу,– она встала из-за стола и двинулась прочь из кухни.

Эта девушка стреляла словами резче, чем автомат во время боя с врагом.

Я вышел следом. Чашки, чайник так и остались стоять на столе. Моя коробочка с недоеденными пирожными тоже – на пир тараканам.

На полу у закрытой двери комнаты я заметил собачью игрушку (резиновый розовый мячик с шипами) и недообглоданный мосол. Мерлина тут же пояснила:

–У меня есть собака, но сейчас она у мамы, сегодня заберу.

–А ремонт покажешь?

Мерлина усмехнулась:

–Было бы что показывать, но мне не жалко,– она распахнула дверь в комнату.

Вот что предстало моему взору: наголо ободранная комната (потолок и высоченные стены), все прошлые обои были удалены из помещения, поэтому я не мог представить себе, каково тут было раньше; полы, представляющие собой те же рыжие крашеные деревяшки, что и в коридоре, запылены, захламлены; комната представляла собой груду мусора; мебель, довольно старая, имеющая умирающий вид, была выставлена в центр (письменный стол, стул, пара табуреток, диван, кресло и старый лакированный шкаф); но площадь у комнаты была неплохой, если все грамотно обставить, то будет просторно и уютно. Интересно, а где же она спит?

–Посмотрел? – не дождавшись моего ответа, Мерлина захлопнула дверь, – а теперь пошли, одевайся, обувайся.

Я сделал все, что она сказала, вот мы уже стояли на улице, холодной и серой.

–Что ж, давай прощаться, Артур, – утвердительно, не вопросительно сказала эта прямая натура.

–И что ты будешь сейчас делать? – спросил я, надеясь урвать еще немного от ее времени.

–Я пойду в книжный магазин.

–А можно с тобой?– глаза мои в тот момент, наверное, были, как у уличного щенка, молящего о косточке.

–Нет, – Мерлина улыбнулась, на удивление ласково,– поход в книжный магазин – дело весьма интимное. Я люблю это делать одна. Получаю от этого удовольствие. Но мы обязательно встретимся еще,– тут же успокоила она, – например, следующие выходные. Как тебе?

Я радостно кивнул.

–Тогда давай встретимся в том парке, где тогда? Знаешь, на восточном его конце есть вполне выделяющийся холм. Там – большие пеньки под липками, ну такие, дубовые вроде, ненастоящие.

Я закивал еще пуще.

–Ну вот там и встретимся. Пусть это будет воскресенье. Четырнадцатого числа.

На том мы и разошлись. Я пошел в свою сторону, Мерлина – в свою.

И время потянулось…

VI

За время, которое я провел без Мерлины, я кое-что для себя понял. Помимо страшных бед, которые могут настигнуть человека (такие, например, как войны, смерть близких, неизлечимая болезнь), страшнее всего – это одиночества, когда не ладится личная жизнь. У кого что болит, тот о том и говорит? Нет. Если нет денег, можно пойти и заработать их, не так ли? Можно плакать, сидя на пятой точке, а можно эту проблему исправить. Материальные проблемы – решаемая штука. Если вдруг нагрянула болезнь – можно пойти и вылечиться. Современная медицина дает возможности для того, чтобы избавиться от различных физических недугов. Дружба – дело вообще простое. Будь добр к людям, и люди с удовольствием потянутся к тебе. Будь верен и предан – сможешь среди них обрести и настоящего друга. Это тоже все решаемо, не так уж сложно, если подумать, правда ведь? Но одиночество любви, разбитые сердца… Это уже сложно. Ты не заставишь кого-то полюбить себя. Не прикуешь к себе того, кого любишь ты. Тут все зависит не от тебя, а только от того самого человека. Поэтому часто бывает, что любовная тоска – одна из самых умелых печалей, которая ломает влюбленных и одиноких людей. Они сидят и кусают губы, проливая слезы от безвыходности, ведь двери, в которые они стучат, не открываются. Они сидят на полу в углу, разглядывая унылыми глазами потолок, потому что им одиноко, ведь некого взять за руку. Влюбленности – это игры

судьбы и ее насмешки. Выпадет решка – и тебя полюбят, ты счастлив. Выпадет орел – кусай свои губы хоть до крови, судьба будет подло и надменно хихикать за твоей спиной. Мало книг, трогающих души, о дружбе или безработице. Большинство пишется о любви. Потому что любовь – вот то, чего нам действительно не хватает. Остальное мы можем взять.

Мне тридцать шесть, я в разводе, у меня двое детей, ценное движимое и недвижимое имущество и отличный заработок. И при всей этой взрослости я умудрился влюбиться, как юнец. Что-то вроде моей первой детской любви, вел я себя примерно так же. Ну, первая любовь, она самая чистая, так что я рад, что мои нынешние чувства похожи, как мне казалось, именно на нее, ведь столько лет взрослой грязи меня уже успели поугнетать вволю, а то, что происходило со мной после встречи с Мерлиной – радуга посреди серого мрачного неба.

Я не буду описывать, как прошли все эти затяжные дни, оно ни к чему. Скажу лишь, что и дома, и на работе я растекался по креслам, стульям и диванам подобно какому-то слизню, очень больших усилий мне стоили умственные и физические манипуляции с собственным телом. Алкоголь меня тогда не интересовал, ведь любовные страдания еще даже не мелькали на горизонте, было только начало. Ударяться в чтение пессимистичной литературы, подобно Мерлине, чтобы хотя бы мысленно к ней приблизиться, я тоже не мог, потому что никакая информация не укладывалась у меня в голове. Я просто был бессознательным существом, способным воспринимать только время. Но один просвет все же был – это моя пятница. Почему именно пятница? Да просто именно этот день недели я провожу с детьми. Моя любовь к этой паре райских созданий ни в коем случае не отошла на задний план. И нашего дня я ждал, как обычно, ни на секунду не забывая, трепетно, с нежностью вспоминая о них, о моих детях, о продолжении моем.

Чаще всего я встречаюсь с ними после обеда, откладывая рабочие дела на потом или на моих всевозможных замов в виде возрастных женщин, считающих себя умнее всех или просто величайшими профи своего дела (и как только я их всех терплю с этой напыщенностью и вездесущностью…), забираю их пораньше (дочку из детского сада, сына с подготовительных курсов к поступлению в начальную школу), и мы занимаемся кучей увлекательных и веселых дел. Но в этот раз мне так сильно хотелось поскорее получить солнечную порцию для своей души, что я вообще решил в пятницу на работу не идти. Примечание: я так часто говорю о своей халатности на работе, что можно подумать, что я лодырь. Лодырь с большой буквы. Но это не так. Я тот еще трудоголик. Просто

рассказать об этом не представилось возможности, да и не представится в контексте этого повествования. Но одно из моих главных доказательств – бизнес, работающий как часы, механизмы которого я непрерывно смазываю, а перегореть на работе может каждый. Моя история совпала с этим самым моментом очередного сгорания. Ну, я должен был оправдаться, чтобы не создавать о себе ложного впечатления, надеюсь, что моя маленькая вставочка восхваления себя любимого будет принята во внимание, что позволит образу моему составиться более ясно.

Так вот, я проснулся в декабрьскую пятницу от пиликанья будильника. Время 7:00. В большое окно еще даже не пытается пробиться рассвет (ох уж эти зимние утра, от них только спать еще больше хочется). Я взъерошен, голоден и капризен. Самое время позвонить бывшей жене и сказать, что сегодня дети будут полностью во владении папеньки.

Гудки.

–Алло, – взбудораженный голос женщины, у которой все валится из рук, так как она делает одновременно несколько дел, поразил трубку.

–Доброе утро, Регина, – сказал я, зевнув в телефон.

–Артур? Чего тебе надо? Раннее утро, – моя бывшая женушка была, как обычно, не в сахарном расположении ко мне да еще и ответила так, будто мой номер не записан в ее телефоне.

Я цокнул языком, слегка презирая ее пренебрежение мной, и сказал:

–Сегодня папа хочет забрать деток себе с самого утра. Это не обсуждается, звезда моя. Садик отменяется.

–Боже, ты, как всегда, эгоист до мозга костей, – она была явно недовольна, эта циничная женщина терпеть не могла, когда что-то шло не по пунктикам, составленным тщательно в ее голове, – ладно Эля, в садике я могу сказать, что ее не будет. Но на подготовительных курсах Марку надо быть обязательно. Нечего ребенка с раннего возраста приучать к нарушению дисциплины.

–Сидите дома, к восьми буду, – отрезал я и положил трубку.

Я потянулся, зевнул и начал собираться. Я был уверен, что они будут сидеть дома и ждать папеньку, потому что в итоге подобных споров мое отрезающее слово всегда было неприкосновенно и ослушанию не подлежало. Даже скверный и жесткий характер моей бывшей жены был не в силах бороться с моим упрямством. А все дело в том, что у этой стальной женщины была одна ангельская черта, за которую ей уже можно было целовать ноги, как истинной матери: она умела уступать, выключая свое упрямство, если дело касалось спора, который мог потревожить нервную систему ее детей. В общем, ей было проще согласиться с упрямым оболтусом Артуром и устроить деткам выходной на радость, чем выгнуть свою линию, довести до скандала и увидеть слезы на глазах ее любимых чад. Я так мудро себя вести не мог, поэтому всегда выигрывал. Но в глубине души я точно осознавал, что в итоге проиграл, потому что через года аукнутся все эти моменты, и будет ясно, что своей мудростью эта женщина тотально расположила к себе единственной наших чад. Ну, а пока папа собирается порадовать их вопреки законам логики и взрослой жизни, требующим учиться и дисциплинироваться.

Я собрался. Делал все не спеша. Для начала завтрак. Весьма холостяцкий: раскаленное масло на сковородке, два яйца, три кусочка бекона и пара кусочков хлеба из тостера. Ах да, совсем забыл про мой любимый утренний кофе – давний ритуал пить растворимый напиток весьма дешевой марки по утрам (уж не знаю, что за каприз, но он прилип ко мне еще много лет назад, а отдирать я его особо и не пытался). Желудок удовлетворен. Прохладный душ помог мне привести свою физиономию в порядок после ночного романа с подушкой. Бриться не хотелось: щетина сроком в один день выглядела все еще приемлемо. Завершающие штрихи: джинсы, полосатая рубашка и пара брызг одеколона. Папа уже стоит в коридоре, одевает верхнюю одежду и предвкушает встречу со своими птенчиками.

Когда я спустился на улицу, солнца еще не было, темень заставила меня поморщиться от недовольства. Я сел в машину, выехал за ворота двора и поехал по улицам центра города N, которые уже постепенно заполняли пробки. Бесснежный мороз давал о себе знать, поэтому я беспокоился, не замерзнут ли мои птенцы.

Время ровно восемь часов утра, а я только еще паркуюсь по улице напротив дома моей бывшей жены. Да, я уже предвкушаю ее ехидство по поводу моего

опоздания на три минуты, но, несмотря на грядущую желчь, выхожу из машины и иду в дом, где живут мои дети. Дом этот находится тоже в центре города N, как и мой, но немного в другой части. При разводе раздел имущества был весьма мягким и лояльным с ее стороны, за что ей огромное спасибо, так как ее мудрость, отсутствие алчности и свой приличный по нашим с ней меркам доход уберегли нервы и мне, и ей, и детям. Я взял на себя обязательство обеспечить ее и детей жильем, иэто жилье должно было быть не хуже моего собственного. Так я и поступил без какой-либо запинки. Большая четырехкомнатная квартира в одном из самых элитных домов нашего города N стала моим выбором. Конечно, цены у нас не таких масштабов, как в столице, но раскошелиться мне пришлось. Четыре комнаты – самое верное решение, так как дети разнополые, а значит им надо по отдельной комнате, маму тоже надо селить отдельно, ну и без гостиной тоже не обойтись. Выбрали второй этаж ввиду удобства, папиных «понтов» в плане высоких этажей мама предпочла избежать. Конечно, я выкупил вместе с квартирой и парковочное место, на котором стоял красный внедорожник, тоже купленный мной после развода. Ну и в ремонт под руководством дизайнера моей бывшей жены мне тоже пришлось вложиться, о чем я, кстати, не жалею, так как вышло все изумительно. В общем, я доволен тем, в какой обстановке живут мои дети. Кому-то может показаться, что эта женщина и так много поимела, но это неверно, ведь у нее были возможности захапать в разы больше.

Вернемся к повествованию, а то я снова углубился не в те дебри. Я звоню в домофон калитки этого элитного двора. Резкий голос моей уже не жены сквозь шипение отвечает: «Открываю». Я прошмыгнул сквозь двор, зарывшись подмерзающими ушами в теплый шарф, еще раз набрал номер квартиры, но уже на подъездной двери, хозяйка дома без слов нажала кнопку по ту сторону своей обители, домофонная дверь открылась, издав резкие звуки пиликанья. Я поднялся по лесенке на второй этаж, дверь уже была отперта, я зашел. Детишки, мои милые детишки, уже одетые, укутанные во всю, бросились на шею папе. Нежный поцелуй Элечки и пока еще не совсем крепкие объятия маленького Марка сразу отогрели меня от зимней стужи, которая царила на улице. Я осмотрел деток, стоящих напротив меня, чтобы удостовериться, что они одеты тепло. Мама их, как всегда, постаралась и отлично выполнила свою функцию, в чем не было никаких сомнений.

–Явился не к восьми, а после восьми, – сухо заметила «гостеприимная» хозяйка, надменно зевая и укутывая коралловый халат на своих все еще округлых грудях потуже.

–Я знал, Региночка, что даже за пару минут ты удосужишься сделать мне замечание, – ехидно отозвался я.

–Ладно, идите, – снизошла она, после чего поцеловала ребятишек и открыла перед нами дверь.

Детки попрощались с мамой, и мы вышли из квартиры, спустились по лестнице, держась за руки, я между ними, как мы ходили чаще всего. Дошли до машины, уселись.

–Ну что, папа, куда ты нас повезешь? – осведомилась любопытная Элина.

–А это будет сюрприз, – ответил я, потому что еще не знал, куда мы направимся, чертов непродуманный папаша, – поэтому пока я буду держать это от вас в секрете.

–Ахаха, – взорвался смехом Марк, – папа стал делать от нас тайны! Раз у папы есть уже одна, то значит есть и еще больше! – он забил ногами по заднему сиденью и продолжил театрально смеяться.

–Больше нет, – ласково ответил я, думая, что так и есть, – так что прекрати шуметь, бери пример с Элины, – произнеся имя родной дочери, я подумал, как оно созвучно с именем Мерлины, после чего понял, что еще одна тайна, все же, есть.

Мы ехали сквозь утренние пробки города N под музыку какого-то радио, доносившуюся с редким шипением из колонок. Начинало светать. Наконец-то! Небо из черного превращалось в серое; фонарные столбы выключались, погружаясь в сон до вечера. Детки на заднем сиденье весело болтали, гоготали, рассказывали истории о своих приключениях.

–Как мама? – как обычно попытался я хитростью выбить какую-нибудь информацию о бывшей жене, переключая тему диалога. Ну мало ли.

–Хорошо! – хором ответили ребятишки. Никакой лишней информации.

–Ничего нового?

–Нет, ничего, – ответила Элина на правах более болтливой и продолжила свою прошлую тему разговора.

Из центра мы выехали. Я наконец додумался, куда отвезти детей. В спальном районе города N недавно возвели новый торговый центр, который запользовался успехом весьма быстро. Для масштабов нашего города он был крупным. По слухам там было достаточно развлечений для детворы. Вот туда-то мы и направились. В зимнюю пору детей надо развлекать подальше от улиц, на которых кишат ехидные ветра и подлая изморозь.

К девяти часам мы подъехали на большую открытую парковку возле трехэтажного здания, название которого гласило Р***н. Я оставил машину ближе ко входу, и мы направились внутрь, чтобы получить удовольствие от нашей пятницы.

Вести детей к еде было без толку, потому что я знал, что после плотных завтраков моей бывшей жены ни Марк, ни Элина до обеда есть не захотят, даже гамбургеры и пирожные.

Внимательно изучив карту торгового центра, я решил, что исследовать здание мы начнем с самого верхнего этажа.

Сначала мы направились к детской площадке. Пока я чинно попивал кофе, Марк с Элей неустанно катались с горок, валялись в шариках, гонялись в куче-мале с чужой детворой. Сколько прошло времени, пока им удалось устать на этой площадке? Часа два? Три? Сколько чашек кофе я успел поглотить? Кажется, словил изжогу. Но оно того стоит. Когда мои дети с румяными щеками и горящими глазами подбежали наконец ко мне, томящемуся в ожидании, я почувствовал прилив отцовского счастья, очередной прилив, но такой сильный и явный. Пришло время обеда. Какой обед может заказать любимым детям такой нерадивый папаша, как я? Борщи и салатики – это по маминой части. Я здесь для того, чтобы их баловать. Вредная пища – один из способов. Огромный гамбургер для Марка, тарелочка изящных пирожных для Элечки – и вот троица, сидящая за столом, счастлива, довольна и сыта. После обеда мы были уже ленивые, но счастливые и продолжили свой путь. Очередным пунктом назначения стал детский магазин, куда же без него. Их мать уже давно ругалась за то, что наши еженедельные приобретения просто захламляют квартиру, и ей уже надоело отправлять все детские излишества по приютам. Но это уже не наши проблемы, у нас есть дела поважнее – выбрать очередные игрушки. Очередной медведь-

переросток для Элины, радиоуправляемая машина для Марка – и мы уже выходим из детского магазина еще более довольные. Дети устали, они начинают зевать, тереть круглыми кулачками глазки, канючить. Пора ехать домой. На обеденный сон. А дальше нас ждет уютный вечер с заказом еды на дом и мультиками.

В эту пятницу я нуждался в этой райской парочке как никогда. Они вселили в меня разум, вернули его, пусть на какое-то время, но вернули же. Я вспомнил, что в моей жизни действительно прекрасно, что действительно заслуживает пристального внимания: мои дети, их взросление, жизнь и судьба. В эту пятницу я будто встряхнул головой, и мозги встали на место. Но это не значило, что я не пойду в воскресенье на пеньки в «липкий» парк. Просто я пойду туда с более трезвой головой, чем мог это сделать ранее. А что, я взрослый и свободный мужчина, посему мне не запрещены безвинные свидания с девушками. Даже если они на десяток с копейками моложе меня, это тоже в нашем мире водится, да еще как. И вот сегодня, в нашу пятницу, когда я обещал себе не думать о Мерлине, я снова забылся на несколько секунд и стал прокручивать в голове только что озвученные мысли. Ладно, Артур, ты все уяснил, отлично, вернись в пятницу, к детям! Едем домой.

В квартиру мы заходили уже вымотавшиеся и уставшие. Разбросав верхнюю одежду и обувь, всей троицей завалились в спальню и рухнули на мою мягкую огромную кровать. Дети уснули почти мгновенно. Я нерадивый, хоть и любящий, папаша, так что раздевать их не стал. Пролежав с десяток минут, я встал, глаза слипались. Что меня так утомило? Так бывало всегда после наших прогулок, виной всему, полагаю, эмоциональная отдача, она-то и выматывает. Я поплелся на кухню, в холодильнике меня ждала прохладная литровая бутылка… медовухи, черт бы меня побрал! Да, за эту неделю я основательно сумел зависнуть на мыслях о той девчонке. Были моменты, как сейчас, когда я даже пытался на нее злиться, пытался пренебречь, так как меня пугали слишком резкие и сильные чувства, возникшие к ней, но в итоге я возвращался к одному: к томительному ожиданию новой встречи. Ах да, еще меня постоянно гложил страх: она не придет, и я один весь день просижу на этих пеньках в ожидании своей сирены, так ловко заманившей меня даже без особого желания и старания. И вот сейчас, когда мои дети мирно спят обеденным тихим часом, я распиваю не что иное, как медовуху, и думаю о Мерлине. Мне стало мерзко от ощущения того, что этого тихого часа я ждал, как работник на ненавистной работе ждет обеденного перерыва, чтобы подумать о своих насущных делах и повитать в облаках. Как же омерзителен я себе стал в эти минуты!

Дети спали, а папа пил. Конечно, одной бутылкой дивного напитка дело не закончилось. За пару часов, пока ангельские глазки были сомкнуты, старший по дому уговорил еще немного алкоголя, ну разве что пару банок пива, не более. Я оставался в трезвом уме, хотя расслабление неизбежно накатывало. Расслабило и тело, и ум, и даже немного душу, к тому моменту, как дети проснулись.

Началась пора мультиков. Хорошее настроение моих детей продержало меня в тонусе до самой ночи, пока мы не легли спать. Вечерняя проверка бывшей жены в виде телефонного звонка показала, что у нас все в пределах нормы.

Очередной, хоть и ожидаемый, удар достал меня утром – сразу после завтрака Элина задала вопрос:

–Пап, а когда ты отвезешь нас к маме?

Марк смотрел в это время на меня взглядом, который говорил о том, что он хочет знать то же самое, что и сестра.

Я знал, что так произойдет. Обычно я забираю детей в пятницу после обеда. До обеда следующего дня они не спешат к маме. А тут их внутренние часы почувствовали сбой. Сутки – это максимум, который мои дети могут выдержать, веселясь, без своей матери. Никакие подарки, вольности и развлечения со мной не заменят им на долго ее строгое «нет», армейский распорядок дня и бесконечную любовь, которую только мать способна подарить своим детям.

–Что ж, – я пожал плечами, – да прямо сейчас. Одевайтесь.

Дети с радостью бросились выполнять мое указание. Я позвонил бывшей жене, чтобы предупредить ее о скором возвращении. Оказалось, она ждет. Женская интуиция, мать ее.

И вот я уже везу птенцов в родное гнездо. Я опять проиграл.

Черт побери, мне надо было запомнить и воспроизвести эти сутки в памяти! Необходимо! Это мой единственный достоверный источник жизни, моя зацепка. Неужели, последняя наша идеальная пятница?..

V

Воскресенье. Я решил прийти в назначенное место как можно раньше, чтобы не проворонить долгожданную встречу. Конечно, будь это лето, или хотя бы май, я пришел бы и в восемь, и в семь. Но то была зима, а зимние утра, как известно, не щедры на солнечный свет. Поэтому я решил выдвигаться из дома, когда будет уже основательно светло, ведь вряд ли Мерлина придет на место встречи ни свет, ни заря, зачем оно ей надо.

Шел десятый час, когда я закрыл на ключ дверь своей квартиры и направился на встречу, как мне казалось, со счастьем. Ох уж эта ядовитая окрыленность. Я шагал не спеша, сморщенным носом вдыхая морозный воздух. Было довольно солнечно, потому зимние морозные иголки кололи кожу лица весьма приятно. Я был в предвкушении, но старался не торопиться. Ожидание томительно. А здравый смысл, который пытался пробиться сквозь стену, за которой его замуровал мой внутренний романтик, пытался докричаться, что, мол, девушка придет не раньше, чем к обеду. Я слышал эти отдаленные слова, поэтому шел прогулочным шагом, любуясь городом, выученным мной наизусть. Прохвост и подкаблучник – я знал о предпочтениях Мерлины немного, но что-то все же знал, поэтому я купил не что иное, как очередную бутылку медовухи. Я не купил ей в подарок книгу, потому что побоялся не попасть, выбрав уже прочитанное или неинтересное; я не купил чай, потому что боялся, что мой не столь изысканный вкус окажется и в подметки негодным ее столь утонченному. Зато, как истинный щеголь, я прихватил с собой на свидание бутылку алкоголя.

Каково было мое удивление, когда, подойдя к пенькам, я увидел на одном из них, самом крупном, сидящую женскую фигуру со спины. В болотной шапке с помпоном, ярком шарфе цвета морской волны и голубой куртке. Я замедлил шаг, стал осторожно красться, не веря своим глазам. В голове четко вырисовывался образ Мерлины. Неужели она здесь и ждет меня? Если она пришла так рано, значит, ей тоже нужна была эта встреча? Или что, черт побери, у этой девушки на уме?! В голову вонзились стрелой слова того старика из ее двора о том, что с придурью все эти читающие девки, а значит и от этой стоит ждать чего угодно.

Я уже стоял за ее спиной и из-за плеча Мерлины пытался разглядеть, что же в этот раз она читает. Естественно, Мерлина видела нависшую тень. Она

захлопнула книгу – недавно купленный в жестком переплете роман Ремарка. Что ж, тоже сильный выбор.

–И долго ты будешь висеть надо мной? – строго вопросила эта звонкоголосая девушка.

Я вздрогнул. А ведь она была права.

–Ах, Мерлина, прости, – я выскочил вперед и предстал ее взору, – просто было интересно, и я…

–Оставь это, – фыркнула она, убирая книгу в уже знакомый мне рюкзачок.

–А ведь знаешь, я с сюрпризом, – верный слуга Мерлины попытался загладить вину перед хозяйкой, доставая из пакетика заветную бутылочку.

Взгляд Мерлины переменился, на сочных губах появилась отлично заметная ухмылка.

–Пьянчуга, – саркастировала она, довольно опуская глаза вниз, на посеревшие листья.

–Да нет, что ты, просто за продолжение знакомства,– я семенил, мельтешил. усаживаясь на соседний пень.

–Да ладно тебе, – успокоила меня Мерлина весьма мягким тоном и проявлением явной доброжелательности, заметив мою нервозность,– я ведь как раз не против сегодня опустошить сосуд другой, – она протянула руку за полной тарой.

Я поспешно принялся открывать крышку. Готово. Сладковато-бродивший запах приятно прошмыгнул в нос. Передал бутылку девушке, сидящей напротив.

–А нас не заволокут в известные места известные люди? – осведомился старый трус, имея в виду полицейских и их участок. – Ведь место общественное, а напиток не безалкогольный.

–Спокойно, – Мерлина уже отхлебнула и довольно защурилась, – с этим напитком они не додумаются к нам подойти. Плебеи. Они кроме водки, пива и вина в глаза никакие бутылки не знают. Это с такой вот этикеткой, – Мерлина пальцем указала на рыжую наклейку с какими-то пестрыми узорами, – они за газировку примут и мимо пройдут. Я-то знаю.

Девушка была настолько уверена в сказанном, что я даже не посмел спорить. Вместо этого решил поддержать разговор другой, еще более банальной темой:

–Ясно, – с тихим смешком произнес глупый дядька, – рассказывай тогда, как прошла твоя неделя?

Реакция Мерлины была такой, будто я сказал ей, что ее папа – алкоголик. Она вскинула бровь, фыркнула и одарила меня презрительным взглядом. Сделала глоток и, наконец, сказала:

–А еще интереснее темы для разговора есть у тебя, Артур?

Я был вбит в свой пень, словно ржавый гвоздь, по самую головку и со скрежетом. Ответить было нечего. Она поняла мой ступор и продолжила:

–Если нет действительно стоящих тем, тогда уж лучше молчать, – опустив глаза, она смягчилась, – в этом хотя бы есть какая-то своя магия.

И тут я решил ответить, дурак, надо было окунаться в эту ее магию… А я решил блистать перед этой неземной феей своим заурядным человеческим интеллектом.

–Да, правильно, когда люди таинственно молчат, это лучше. Ведь так они могут создать впечатление глубокого внутреннего мира и духовной философии. А то, бывает, заговорят, и оказывается, что молчали они от собственной глупости. Аж стыдно иногда становится.

По ее реакции на эту реплику я понял, что опять не угадал. Она кривила брови, глаза начинали возгорать от огонька какого-то отвращения.

–Артур, я даю тебе последний шанс, – жестко и рассудительно отвечала Мерлина на мои, возможно, нелепые слова, – на этот раз шанс побыть тем самым таинственно молчащим человеком. Иначе я уйду. Потому что меня на твой внутренний мир, кажется, не хватает.

–Нет, не уходи, я все понял! – глупый Артур чуть не подскочил, но вовремя остановился, – давай помолчим, я все осознаю.

Девчонке явно нравилась моя покорность и уступчивость, ей льстило то, как она могла повелевать над этим ученым жизнью старцем, а точнее, просто возрастным простофилей в ее юных и, как ей казалось, повидавших и умудренных глазах. Мы замолчали. Мерлина наслаждалась содержимым бутылки, раз от раза передавая ее мне. Я распивал напиток с ней, учась любить молчание, привыкая без слов любоваться чертами ее лица, движениями рук, поворотами головы, шеи… И у меня это получалось, черт побери! Эта девушка своей детской властностью учила меня молча воспринимать красоту, молча ей наслаждаться. Молчать и вникать. Не слушать, а ощущать. Здорово, как мне казалось, здорово все это действо, этот священный ритуал погружения Артура в любовь! Она позволяла мне в себя влюбляться, это я точно знал, потому что она не могла не понимать, что это происходит, но ведь потворствовала этому. Но что-то пошло не так, и она вдруг заговорила, смотря куда-то вникуда, сквозь паутину голых ветвей:

–Если ты хочешь обрести любовь, следуй моей инструкции. Инструкции, которую я придумала и уже начала исполнять. Во-первых, избавься от тяжести прошлых уз. Очисть свою душу от старых, прежних отношений и людей. Стирай контакты, удаляй их из списков. Освободи пространство для нового. Во-вторых, пойми, что не только прошлое мешает тебе обрести любовь, сковывая тебя старыми привязанностями, но и настоящее. Я хочу сказать, персик, что надо вымести из жизни и всех ненужных и неугодных людей. Каждая напрягающая тебя дама должна исчезнуть. Не бойся их обидеть, не приноси себя в жертву, избавляйся от них. Когда ты поймешь, что и те, и эти – это всего лишь сорняки в поле души твоей, когда ты выдернешь их из своей земли, тогда ты освободишь почву. Дальше обрабатывай ее, вскапывай, удобряй – приведи почву своей души в порядок. И тогда ветер перемен занесет в твою жизнь нужную семечку, и цветок настоящей любви взойдет. Этим я и занимаюсь, персик. Я избавилась от неугодных. И сейчас обрабатываю почву. Поэтому не влюбляйся в меня, не стоит этим раздражать. В противном случае мне и тебя придется вырвать. Сиди тихо.

А я… А что я? Я и сидел тихо. Любуясь ее идеальным профилем и наслаждаясь тем, как она называла меня персиком. Что это? Допитая бутылка подействовала на нее так? Или очередная причуда? Меня так еще никто не называл за все мои «за тридцать» лет. Помимо персика, я слышал и другие слова. И никак не мог понять, каким боком они нарисовались. Это одна из тех придурей, которым подвержены читающие девки? С чего вдруг такой монолог сейчас? Она же ведь сама затащила меня в эти сети, сиреной напевая песни о чае и пеньках. Она так играет? Мне стоит принять правила этой ее игры. В противном случае есть вероятность, что эта особа избавится от меня навсегда. Я принимаю правила игры. А что это, издевка или серьезность, покажет будущее. А пока я просто персик. И на том спасибо.

Мерлина скомкала опустошенный пластик и направилась к урне. Я же сидел и наблюдал ее спину, удаляющуюся от меня. В тот момент мне казалось, что эта фея уходит не только физически, но и испаряется от меня вовсе. То был хмель, но хмель не от тех трех капель алкоголя, а от невнятной пока еще, но уже душераздирающей и непредсказуемой, как только что пойманный в клетку зверь, влюбленности. Но нет, пронесло, Мерлина всего лишь выкинула мусор в урну и вернулась – пока ты имеешь право на существование, моя влюбленная душа.

–Раз уж воскресенье, персик, и начали мы его с бутылки, то предлагаю продолжить. Пить, так пить! Не люблю попусту тратить алкоголь. Надо непременно напиться.

Меня позабавил ее юношеский порыв к саморазрушению, выглядел он так невинно, что я решил поддаться. Встал с пня, отряхнул штаны и вопросительно взглянул на Мерлину:

–Ну так что, куда пойдем?

–В магазин, само собой, – она посмотрела на меня, как на дурака, и направилась прочь. Я засеменил за ней.

–А куда после магазина? – спросил я, следуя за девушкой след в след.

Она вздохнула, будто я ее напрягал (к слову сказать, она все время нагло и демонстративно выказывала мне это свое пренебрежение и рождала во мне

ощущение того, что я ее напрягаю, но на деле все было не так – общение со мной ей льстило).

–Раз уж ты не зовешь к себе, напрашиваться в гости я не буду. Да и негоже по мужикам и их домам расхаживать. Так что мы идем ко мне. Дорогу и место ты уже знаешь – так что никаких ощущений новизны и непривычки, все, как я люблю.

–Подожди! Не будь так категорична! – попытался вставить я. – Ни в коем случае не думай, что мой дом закрыт для тебя! Мы можем направиться и туда! С удовольствием! Это тоже рядом!

–Сказала же, никаких ощущений новизны, – швырнула она, но была довольна, что мои двери для нее открыты.

Мне же оставалось лишь согласиться и следовать за ней.

В магазине мы набрали целую корзину пойла. Пиво. Мерлина даже не считала стеклянные бутылки, которые складывала, утяжеляя и утяжеляя мою ношу. Естественно, платил за все я. С меня не убыло. Да и пиво моя спутница выбрала весьма дешевое. Молодые люди, особо не располагающие деньгами, обычно называют девушек с таким поведением разводилами. Для меня же такое обзывательство нелепо, ведь мне лишь в радость исполнять разного рода прихоти той, кто щекочет своим нахожднием рядом мое сердце. Огорчало лишь то, какое поведение мне при всем этом демонстрировала Мерлина: она буквально провоцировала меня на то, чтобы я в ней разочаровался, испытывала меня, ей это нравилось. А то, что я никак не разочаровываюсь, как раз и было ее победой надо мной из раза в раз. Да и над собой, я думаю, тоже.

По знакомым улицам мы уже подошли к знакомому двору. Я тащил этот черный пакет, недоумевая, как в нас все это влезет. Ну, раз уж моя спутница была уверена, то почему бы и нет. Около бледного дома мел асфальт все тот же дворник.

–Привет, дядь Жень! – махнула ему Мерлина, продвигаясь в сторону подъезда.

–Здравствуй, Машенька,– буркнул старик, не отрываясь от работы.

Я увидел, как она в недовольстве скривила губы. Хм, Машенька… Наверное, ей не понравилось, как дед коверкает ее необычное имя. Ну еще бы, кому бы такое понравилось.

Мы зашли в ее квартиру, повторили ритуал раздевания, который был произведен в момент моего первого прибытия сюда, и прошли на кухню. По атмосфере, царившей в квартире, я понял, что все в порядке – ремонт стоит, тараканы в добром здравии.

–Собака все еще у родителей? – спросил я, усаживаясь на скрипучий стул.

–Угу,– буркнула хозяйка, доставая пару бутылок из черного пакета.

Она выставила их на стол. Я тут же смекнул, что от меня требуется, и открыл их. Шипение и запах пива пронеслись по кухне. Мерлина взяла одну из бутылок и приземлилась за стол напротив меня. Она сделала глоток и заговорила:

–Несколько лет тому назад я…-вдруг Мерлина замолчала и задумалась.

Я решил не перебивать ее мысли и тоже молчал. Ждал, когда она заговорит сама. Ветер сквозь открытую форточку спокойно подобрался к шелку ее русых волос, а на улице танцевали медленный танец под его порывами ошметки посеревших грязных иссохших листьев.

–Людей надо лечить, – вдруг резко произнесла она.

–От чего?

–От них самих.

О чем тогда думала эта девочка, я так и не узнал.

Лежавший на столе мобильный запел. Это был телефон Мерлины. Его звуки решительно прервали возможность продолжения диалога. Хозяйка трубки оценивающе посмотрела на экран, удовлетворившись тем, кто звонит, решила ответить. Я ждал.

–Алло, да, Кира, да, я дома… не одна… можешь приходить… не знаешь, но это не проблема, я познакомлю… прямо сейчас… есть пиво… купи креветок, а то желудок что-то сосет… хорошо, договорились… давай, ждем.

Проанализировав содержимое высказанных хозяйкой дома слов, я понял, что нас ждет пополнение, которого лично я совсем не ждал. Я вопросительно вскинул бровь. Мерлина уловила этот немой вопрос.

–Кира моя лучшая подруга. Сейчас придет к нам. Ты же не против? Хотя, даже если и против… – Мерлина снова пренебрегла мной в своей уже обычной для меня манере и продолжила пить.

Я лишь пожал плечами и последовал ее примеру. Да, видимо, в обществе этой девушки грош мне цена. Я не привык к такому обращению, куда уж… Однако поддавался. Девчонка ловко расставляла сети и баррикады, маневрировала и манипулировала. А я же ничем не мог ей ответить, потому что четко знал, затребуй я свое право голоса, буду вышвырнут за борт, как мешающий груз.

Мерлина запрокинула глаза, на пару секунд впала в свой внутренний мир, вздохнула глубоко и заговорила:

–Знаешь, персик, я вот что думаю… – она закусила губу, – мир так жесток, несправедлив и разнообразен в плане людей,– она заметила мой вопросительный взгляд,– сейчас расскажу. Смотри, есть люди, которые плывут по океану жизни на яхте, есть те, кто барахтается на самом дне, а есть основная масса – они на плаву. Я на плаву. Все жители этого дома и соседних. И вообще, больший процент города. Это самый невыгодный, скучный и мерзкий способ проживать жизнь в этом человеческом океане душ. Ну посуди сам! Те люди, что проживают океан, находясь на яхтах, они небожители что ли. Богатеи, если ты не понял, о ком я. Все бизнесмены, политики, а еще их жены и дети. Все те, у кого есть деньги, а значит и возможности жировать, делать, что они хотят, летать по заграницам, покупать все мыслимые и немыслимые блага, недоступные обычному человеку. Им-то, я уверена, прекрасно живется. Те, кто на дне, им тоже неплохо, уж поверь, ведь у них есть внутренняя свобода, так как им нечего терять. Да, у них ничего нет, но они и не в ответе ни за что. Эти люди тоже имеют выбор, хоть и иного рода, нежели те, что рассекают на своих дорогостоящих кораблях. Понимаешь, они уже на дне, дальше опускаться некуда. А когда ты достиг предела низов, ты освободился. Ну и есть мы, все остальные. Мы вынуждены. Мы под бременем ответственности. Мы на границе

нищеты, но еще не заступили за нее. Мы – это те, у кого есть обязательства. Мы те, кто получает копеечную зарплату, цедит ее на батон с молоком, проезд и квартплату. Возможно, у лучших из нас есть недорогие машинки, на которые мы тоже цедим. Девочки цедят на косметику. Мальчики высчитывают копеечку на спортивный зал. Так и держимся на плаву. Рискуя в любой момент, скажем, взять кредит, который нас потопит. Я видела таких: опускаясь на дно после подобной опрометчивости, они пускаются во все тяжкие: алкоголизм, наркомания… Так и становятся освободившимися жителями дна. Но большинство, все же, держатся. Своими силами, своими руками, уставшими от постоянных гребков. Полное отсутствие свободы. Полная зависимость от обязательств. Как я завидую детям-небожителям… Как я хочу приблизиться к ним, чтобы хоть чуть-чуть отпить из их кубков. Я готова на все ради этого! А ты где, персик? На плаву? Со своей Мерлиной? – охмелевший взгляд смотрел на меня с какой-то детской надеждой.

Я слушал этот монолог с какой-то душевной болью. До этого момента я смотрел на вещи иначе. Мне казалось, что каждый сам творец своей судьбы. Люди, которые ноют о своей нищете, могли бы потратить это время на поиск выхода из этого своего «дня сурка». А теперь мне стало стыдно, что я плыву не с помощью рук и ног, а с помощью мотора своей яхты, пусть это не лайнер, но все равно, мое судно везет меня по водам океана жизни. А Мерлина, моя Мерлина, выбивается из сил, разрываясь между коммуналкой, дорогим чаем и новой книгой. Конечно, я не мог сказать в тот момент после ее слов, глядя в эти опечаленные глаза, что у меня есть свое суденышко. Особенно после «своей Мерлины», фразы, произнесенной ей с особым выхлопом чувств, как мне тогда показалось. И я просто ответил:

–Да. Я на плаву. С тобой, Мерлина.

Ответ удовлетворил эту слегка хмельную девушку. Она откинулась на спинку стула и с таинственной улыбкой уставилась в белёный потолок.

Какая же это, все-таки, интересна личность! Сколько в ней глубины! Сколько дебрей в ее внутреннем мире! Даже эта ее детская вредность, саркастические колючки… Мне казалось все это таким небесным, заоблачным. Ее любовь к чтению не могла оставить ее глубокий разум пустым и бестолковым. Ее образность мысли пленяла меня в свои оковы, и я готов был следовать за ней, гремя кандалами, хоть на край света.

И вот мы сидим с ней, с моей возлюбленной (а это я к тому моменту осознавал совершенно точно), на ее кухне, пьем дешевое пиво и говорим теперь уже ни о чем и обо всем подряд. Мерлина принимает меня, я это чувствую. Мы стали ближе.

И будь проклят едкий звук ее дверного звонка, прервавший эту мою идиллию! То была нежданная мной гостья. Мерлина пошла открывать.

Звон ключей в замке, визгливые восторженные женские голоса, шум от брошенных на пол сапог. Весь этот оркестр отрезвил меня и немного подрасстроил. Я схватился за только что открытую бутылку и осушил ее почти до дна залпом, пока девушки миловались в коридоре. От опрокинутого резко в таком количестве дешевого пива в желудок к горлу подступила тошнота и я сморщился. Как раз в этот момент хозяйка с гостьей и вошли в кухню. Пришлось унять свою гримасу и повернуться.

Взору моему пристала высокая, долговязая девушка с черным стогом волос в неаккуратном хвосте, с пухлыми красными губами и длинным горбатым носом. В моей голове засмеялся проснувшийся циник, а смеялся он от мысли, что, возможно, данная особа для Мерлины – страшная подружка из анекдотов, рядом с которой она чувствует себя уверенно. Но то, как моя Мерлина обняла свою подругу, с какой силой и искренностью чувств, немедленно направило моего внутреннего циника назад, в нокаут.

–Знакомься, персик, это Кира, моя лучшая подруга! – радостно пролепетала Мерлина, не отлипая от нее.

–Персик? – Кира коротко засмеялась, – ох уж эта моя Мери с ее любовью давать прозвища всем и вся,– обтянутая кожей бледная рука с длинными пальцами потрепала Мерлину за розовую щеку.

–Артур, – поправил я положение своего представления, стараясь улыбаться как можно искренней, хоть и сдержанно.

–Ну, на том и порешаем, Артур, – заключила Кира и села на место Мерлины. Хозяйка даже не стала спорить, а лишь ускакала в комнату, вприпрыжку, как дитя, чтобы принести для себя оттуда старую табуретку.

Мерлина сидела между нами, лицо ее светилось. Мне было ревностно оттого, как эта особа умеет влиять на состояние моей любимой девушки, хоть я и понимал, что это дружба, а не нечто того же рода, что царит внутри меня. Кира тарабанила вишневыми ногтями по столу. Я ждал. Чего? Да черт его знает.

–Мери, я купила креветки, – начала Кира, – так же в пакете есть немного пива. Я думаю, молодой человек удосужится мне открыть бутылочку?– она обратилась уже ко мне.

Мерлина тут же принялась копошиться в принесенном пакете. Я ответил кивком и принялся исполнять. Хм, молодой человек… Подстебнула? Хотя, на вид ей и самой слегка за тридцать.

–Кира, а сколько Вам лет? – спросил я, протягивая бутылку.

–Ну, во-первых, давай на ты, – она улыбнулась, обнажив белые ровные зубы (мне показалось, что это ее единственное достоинство, ну уж слишком они были хороши на общем фоне лица), – а во-вторых, у девушки неприлично спрашивать такое, – Кира лукаво подмигнула и сделала глоток пива.

–Ой, да не шути,Кир! – вмешалась в разговор Мерлина, дербанившая пакет с креветками, – она моя ровесница, персик, ну на год постарше. А мне немного за двадцать.

Прикинув возраст Мерлины, я даже растерялся. Несмотря на свою ухоженность, Кира выглядела старше лет на десять. Всему виной были ее грубые большие черты лица. В ней было что-то от Кавказа.

–А кто ты по национальности, Кир? – я перешел на ты, продолжая пытаться удовлетворить свое любопытство.

–Не поверишь, – с издевкой ответила она, – русская.

Мерлина засмеялась. Видимо, я спросил снова что-то не то. Заметив непонимание и пристыженность в моих глазах, хозяйка, уже ставившая креветки на огонь, принялась пояснять, в чем был промах:

–Персик, не волнуйся, все в порядке. Просто ты не первый, кто задает такой вопрос Кире. У нее очень яркая внешность, – удивительно, но Мерлина действительно считала Киру яркой девушкой, – вот это и сбивает всех с толку.

Я решил принять правила Мерлины и продолжил:

–А еще имя.

–Да, – подтвердила Кира,– имя действительно добавляет огоньку. Моя мама та еще любительница экстравагантности. Так что я благодарна ей за то, что она остановилась хотя бы на этом имени. Все могло бы быть и хуже.

Несмотря на то, что я не был на волне Киры, я чувствовал максимальную простоту, ее расположение и открытост. Видимо, передо мной правда сидел очень хороший человек. Я понял, что правильным будет принять ее и подружиться, ведь соперничать с ней означало заранее быть уверенным в том, что Мерлину я потеряю. Да, я был не соперник этой необычной девушке. Об этом просто кричали глаза Мерлины, когда та смотрела на свою подругу. Я не знаю, почему их узы были так крепки, но казалось, что Мерлина спутником готова крутиться вокруг планеты по имени Кира. Для меня это стало откровенностью и неожиданностью. Вот как умеет Мерлина относиться к людям…

Но Кире надо отдать должное – она действительно располагает. Мы сидели и общались, не знаю, сколько времени прошло, минут тридцать, час… А я уже полностью был под влиянием этой девушки. Даже ее жесткие черты лица мне начали казаться мягче, то ли от пива, то ли от привыкания. Я попал под гнет ее человеческого обаяния, внимательно слушал ее монологи, даже более внимательно, чем то, что говорила моя Мерлина. Сам больше молчал. Но могу сказать точно, что мне понравилось все, что изрекала эта необычная девушка. И мне даже стали нравиться их с Мерлиной отношения. Стало приятно, что Мерлину кто-то любит так же сильно, как и я, при этом, конкурировать мне с этим кем-то не надо. Мы можем бок о бок любить и защищать этот юный взбалмошный цветок. И я буду учиться у Киры делать это так, как надо, как правильно, как необходимо. Мне нравилось, что я узнал Киру, ведь это часть самой Мерлины. Теперь я знал о ней следующее: лучшую подругу, место жительства, любовь к чтению и к чаю и…Положим, это все.

–Мери, я думаю, стоит сходить на балет в следующую пятницу,– сказала Кира.

Носик Мерлины сморщился.

–Кира, ты же знаешь, я его не люблю. В балете есть что-то от насекомых.

Я невольно рассмеялся, а этот капризный ребенок бросил на меня сердитый, но уже изрядно окосевший взгляд.

–А что ты смеешься? Ты хоть раз смотрел внимательно, как танцоры двигаются?! Их тонкие ноги и руки перебирают пространство, как лапки насекомых!

–Ну, потише, – вмешалась Кира,– я как раз хотела ему показать, как танцует мое любимое «насекомое».

Она достала телефон и включила видео на странице своей социальной сети.

–Это Виктор В. Он очень знаменит. Европа плачет от любви к нему. И он приезжает в город N. Только три концерта. В пятницу первый.

На экране телефона под звуки оркестра на темной сцене двигался мужчина в обтягивающих трико. Движения его были настолько завораживающими, что я чуть ли не впал в гипноз от всех этих скачков и взмахов. Даже рот слегка приоткрыл. Кира тут же заметила мою реакцию и с победной торжественностью сказала:

–Ну как? Гений! Талант! Я же говорила!

Мерлина сдала позиции.

–Ладно, Кир, если это Виктор, то мы сходим,– согласилась она, но взгляд ее тут же пал в мою сторону, – ты пойдешь с нами, персик.

Я чуть было не принял ее утверждение, но опомнился – пятница! Я еще не готов совершать это предательство по отношению к детям. Но, боже, насколько мудра и человечна Кира! Она сразу заметила смятение, осадившее мои глаза, и еще не зная его причины, уже решила спасти меня:

–Мери, билеты уже куплены. Два.

–Ну, я так не играю, – шутливо фыркнула Мерлина и вышла в уборную.

–Закурим? – предложила Кира, доставая пачку тонких ментоловых сигарет.

Я кивнул. Достал свои. Куда-либо выходить она не собиралась. Видимо, тут принято курить на кухне. Я последовал ее примеру. Мы сидели друг напротив друга, дым постепенно заполнял пространство между нами.

–Не обольщайся, билеты действительно уже куплены, – Кира остудила меня своим ледяным взглядом.

До меня сразу дошли все ее мысли, и чтобы она не успела произнести их вслух, я сам все резко выпалил:

–Я не женат!

Ее густая черная бровь вскинулась дугой, порождая на лице выражение недовольного недоумения. Взгляд буквально говорил мне: «продолжай». И я продолжил:

–Но у меня есть дети.

Оковы напряжения спали с плеч Киры, лицо покрыла блаженная улыбка. Она все поняла. Дальше можно было не продолжать. В пятницу они идут на балет, где будет танцевать Виктор В. В пятницу я иду на встречу к своим детям. Мы с Кирой подружились. Мерлину у меня никто не отнимает.

Топот ножек по деревянному полу оповестил нас о том, что хозяйка возвращается. Она влетела на кухню, взмахами рук разгоняя дым.

–Вот заразы! Накурили, – с напускным возмущением сказала Мерлина и села на свое место.

Мы с Кирой принялись поспешно тушить сигареты.

–Мерлина, я не знал, просто…

–Да все можно, это я так, – отмахнулась хозяйка, раскурочивая креветку.

–А было б нельзя, разве б я закурила? – подтвердила ее подруга.

–А почему тогда потушила? – удивился я.

–Чтобы не злить Мери, она у нас бросила курить. Не хочу раздражать ее этим механическим движением руки, тащущей сигарету в рот и изо рта.

–А дым? – не унимался я.

– Я убеждена, что курение – это всего лишь привычка тащить сигарету в рот, – парировала Кира, – поэтому дым роли не играет. И если курить при Мери, она будет смотреть на этот оральный акт и вспоминать механику своего прошлого. Это и будет для нее раздражителем. А дым, он раздражает, но иначе, в обратную сторону, так что черт с ним.

Мерлина лишь утверждающе кивала. Мне ничего не оставалось, кроме как принять их позицию.

На улице уже смеркалось. Мерлина зажгла на кухне свет. Было уютно, по-советски. Я, в отличие от них, еще помню то время. Ностальгия по детству. Это родило в моем хмельном уме ощущение тепла. Мы были уже изрядно пьяны. Домой я не хотел, но понимал, что надо. Ведь начало рабочей недели не за горами, а терять лицо перед подчиненными мне не хотелось. Но я уже знал, что предложи мне эти девушки остаться с ними, я сдам позиции без боя. А они расходиться не собирались. Их молодость внушала им, что если пить, так пить. От Мерлины поступило предложение:

–А давайте пойдем на квартиру к Роме?

–А ты думаешь, там кто-то ждет троицу изрядно пьяных гостей?– рассмеялась Кира.

–А мы сейчас им позвоним, – сказала зачинщица, схватившись за телефон. – Я уверена, что ждут. Там всегда таких ждут, ты же знаешь.

Пока ее пальцы набирали номер на сенсоре экрана, я думал. Думал о том, что находиться к компании подруги Мерлины еще куда ни шло. А вот идти к какому-то незнакомому мужику… Кира сразу заметила смятение и, коснувшись своими длинными холодными пальцами моей руки, успокаивающе сказала:

–Не бойся, ты не пожалеешь.

Больше мне никто ничего не объяснил, так что оставалось довериться словам этой мудрой девушки. Я был пьян и слишком громко думал внутри своей головы, так что пропустил мимо ушей весь телефонный разговор Мерлины. Но, судя по тому, что она заявила, закончился он успешно:

–Выдвигаемся!

Она вскочила, смахнула в пакет со стола креветочную шелуху и двинулась в коридор. Мы с Кирой собрали в другой пакет пустые бутылки, взяли оставшееся пиво и пошли за ней.

На улице было холодно, но хмель грел нас изнутри, так что погода казалась терпимой. Еще даже не поздний вечер, а кругом тьма, вокруг ни одного фонаря, только свет из окон немного освещает старый двор. Гуськом мы вышли на главную улицу: Мерлина, Кира, я. Глава отряда повела нас к мусорным бакам, где мы избавились от лишнего. С пакетом остался я – там было пиво. Отряхивая руки, Мерлина объявила:

–Ну что, придется чуть спуститься, к набережной!

Она взяла нас с Кирой под руки и повела по намеченному пути. Смешно, конечно, но уже только лишь оттого, что любимая девушка держала меня под руку, я готов был уделать штаны от счастья, и выпитое пиво тут ни при чем. По дороге мы много разговаривали, но один монолог Мерлины особенно запомнился мне:

–Цветы любят меня. Вот сколько я себя помню, они сами идут ко мне в руки. И неважно, от надоедливых поклонников, от мамы, от подруг. Цветы всегда находят способ попасть ко мне. В моем доме так не бывает, чтобы подоконник долго стоял не украшенным хотя бы одной розой. И вот, казалось, неоткуда мне их ждать, но они все равно откуда-нибудь появятся. Найдут себе посредника и через него окажутся в моих руках. Связь у нас такая с ними.

Я мотал на ус. Наверное, это намек.

Тем временем, мы уже подошли к району набережной. Пройдя по хорошо знакомой мне аллее, мы обогнули площадь с памятником Влюбленным, прошли еще метров сто и оказались у закрытых ворот многоэтажного дома, который был мне хорошо знаком, потому что когда-то я выбирал квартиру бывшей жене и детям, а здесь чуть было не купил ее, но бывшая жена изъявила протест, и мы остановились на том жилье, где она с детьми сейчас и живет. Я прекрасно знаю цены на жилплощадь в этом доме. И кто же такой этот Рома? Куда они меня привели? Пока я метался в своих ошалелых мыслях, Кира уже набрала на воротах номер квартиры, трубку подняли молча, молча впустили нас. Я даже не услышал голоса хозяина этого дома, чтобы хоть что-то понять. А мы уже шли по хорошо освещенному чистому двору, заставленному дорогими машинами. Кира набрала квартиру еще раз, только уже на домофоне подъездной двери. Молчаливый ритуал повторился. Мы зашли внутрь и направились к лифту.

–Восемнадцатый этаж,– с веселой загадочностью объявила Мерлина.

Черт возьми, как у меня! Неужели у нее уже давно есть такой же папик, как и я, только по имени Рома?! Неужели я изначально был лишним звеном?! Что за ерунда?! А как же история про дно и яхты? И зачем меня сюда привели? Тем более, на восемнадцатый этаж…

Много пьяных беспокойных мыслей прокрутилось в моей голове, пока мы поднимались на лифте. Но я взял себя в руки. Решил, не смотря ни на что, принять сражение, держать оборону.

Когда я опомнился, мы уже стояли перед открытой дверью. А открыла ее высокая блондинка, которую вряд ли звали Ромой. Роста они с Кирой были одинакового. Однако в ней не было той несуразности, что была присуща Кире. В этой девушке худоба, граничащая со здоровой стройностью, выглядела изящно

и привлекательно. Пшеничные волосы были хорошо уложены, пухлые губы подведены, зеленые глаза подкрашены. Плавным движением руки она пригласила нас войти. Мы переступили порог и попали в сильно прокуренную квартиру, от дыма заслезились глаза.

–Вероника, привет! – радостно воскликнула Мерлина, та поздоровалась кивком, обрамленным благодушной улыбкой, – как вы тут без нас?

–Все еще живы, – снисходительным тоном ответила девушка, голос у нее был бархатный.

С Кирой они обменялись объятиями. Я молчал. Ждал, когда же меня представят. Но пока мы раздевались в коридоре, этого не случилось.

–А где же Рома? – возмутилась Мерлина, – Почему он меня не встречает?

–Он пишет, – вздохнула блондинка и прошла вглубь квартиры.

–Рома поэт, – шепнула мне на ухо Кира и провела вслед за Вероникой.

Мы втроем тоже зашли внутрь. Моим глазам предстало огромное помещение, студия. Но вот беда, и тут ремонта не было. Видимо, в этой компании мода на неотремонтированные квартиры. Полы и стены были выровнены, но ничем не покрыты, кругом царила цементная пыль. Освещение было тусклое, исходившее от кое-как свисающих ламп. Из предметов: небольшой холодильник, несколько кресел-мешков, усыпанных все той же цементной пылью, стол, стулья, шкаф-купе, занавешенный мольберт, прикроватная тумбочка, но стоящая около раскладушки. На этом, пожалуй, все.

Помимо нас четверых, людей в помещении было еще двое, оба парни, на вид молодые. Один из них сидел в углу под подоконником с планшетом и белыми листами А4, вокруг была разбросана скомканная бумага. Он что-то неистово писал и абсолютно не реагировал на вошедших. Вошедшие тоже не стали ему мешать. Разглядеть его внешность я не мог, так как не позволяло освещение, да и положение, в котором он сидел. Кира лишь шепнула мне на ухо:

–Это Рома.

С одной стороны, с души отлегло, ведь мы пришли в гости не к богатому папику. А с другой… Рома – юный владелец столь дорогой недвижимости? Вряд ли это съемное жилье… Если у него есть молодость, то я уже проигрываю ему. Хотя рано делать выводы, надо понаблюдать, что их связывает с Мерлиной.

А вот второй парень, на вид не доходивший возрастом до тридцати, подошел к нам. В руке он держал бокал вина, красного. Кожа у него была белая, прилизанные волосы черными. Он двигался изящно и уверенно. Бровастый и глазастый, с весьма округлыми щеками и слащавой улыбкой. Одет во все черное. Он встал рядом с Вероникой, слегка уступая ей в росте.

–Знакомьтесь, это Артур! – представила меня наконец Мерлина, благо, назвав по имени.

Люди, стоящие передо мной, вежливо улыбнулись. По блеску их глаз я наконец разглядел, что они тоже пьяны.

–Персик, – теперь она обратилась ко мне, – а это Вероника! – бесцеремонно указала пальцем на высокую девушку, – а это Лев.

На вид все люди, находившиеся в помещении, возрастом не доходили до тридцати, были добродушны и спокойны, никакие мои опасения не подтвердились. Отлегло. Я мысленно выдохнул и расслабился.

Вообще-то, я давно отучился от привычки заранее устраивать «кипиш», как бы сказала Мерлина, в своей голове. Но в этот раз, видимо, потому что дело касалось, как раз той самой Мерлины, я своей привычке изменил, причем, бессознательно. Не стоило, конечно, делать выводы заранее, ведь все вышло абсолютно иначе, нежели представлялось. Хотя точной картины я все еще не знал. Но было спокойно. Да и владелец помещения никак на контакт не выходил, что умиротворяло даже еще больше. Лев оказывал жесты гостеприимства вместо него. Он оказался весьма манерным, о чем говорили его движения и интонации. Вышагивая, будто павлин, причем, только что приобретший это дорогое помещение, Лев церемонно провел нас к тому самому единственному столу, который, между прочим, тоже стоил недешево. Стульев было достаточно, чтобы пятеро уместились, а стол, к слову, мог легко вместить вдвое больше. Лев и Вероника продолжили пить свое вино, мы втроем же достали свое пиво, от предложения ребят пригубить красного отказавшись. Кира уверила всех, что

мешать алкоголь ни к чему. А если у нас кончится, то, что ж, придется пригубить и их напитки, но всему свое время. Мы сидели и запросто болтали обо всем подряд. Мне нравилась эта обстановка, в которой никто не задавался вопросами, откуда взялся этот взрослый дядя, что он из себя представляет, и тому подобное. Вообще, Мерлина собрала вокруг себя очень простых людей, которые моментально меня к себе расположили, несмотря на некоторые «но». Например, тот же Лев, он слишком много жеманничал, однако, все эти его кокетства, говорящие о возможности нетрадиционной ориентации, я бы сказал, ничуть не означали, что от него можно ждать какой-то нож в спину. Или Вероника, я четко ощущал ее холодность по отношению к Мерлине, но с другой стороны, возможно, всему виной была ее сдержанность, рассудительность и воспитанность. О Роме я ничего сказать не мог. До тех пор, пока он внезапно не встал с места. Хозяин отстраненно подошел к холодильнику, достал оттуда бутылку алкоголя (тусклый свет не позволил мне разглядеть, какого именно), залпом выпил половину и жутко сморщился. Мы всей компании тихо наблюдали за происходящим. Затем он подошел к столу, лицо его было красным и кислым. Мы со всем вниманием ожидали, что будет дальше. Наконец, я рассмотрел его. Это был абсолютный юнец на вид, с вьющимися русыми волосами, опустошенными печальными голубыми глазами и весьма нежными для юноши чертами лица. Спортивный костюм мешком скрывал его телосложение. Рост чуть ниже среднего. Он облокотился на стол с противоположной стороны от меня. Не знаю почему, но как только этот молодой человек влился в наш круг, меня сковало, я полностью нырнул в него, всем вниманием, погружаясь от головы до пят. Было в нем нечто зачаровывающее, я никак не мог понять, что, но меня от него не отпускало. Лишь краем глаза я сумел заметить, что в таком состоянии находятся все сидящие за столом. Особенно Лев и Кира, между которыми этот юноша встал. Роман смотрел в пустоту. Вдруг заговорил:

– Вы знаете, сколько люди уже говорили о том, что любовь – это яд? Наркотик? Болезнь? Механизм замедленного действия? Ну нельзя же их всех считать глупцами? Окрыленность, которая настигает в момент влюбленности – это яд. Съел ее – и ты уже поражен, медленное разложение. Неминуемо. А бабочки в животе? Это же паразиты. Хуже ленточного червя. Хуже солитера. Только алкогольное или наркотическое опьянение может заставить считать тебя, что ты на радуге, а мир – рай. А в итоге это все приносит вред, разложение мозга. Вот так и любовь.

После этого неожиданного монолога Роман рухнул на стул рядом со Львом, положил ему на плечо свою тяжелую голову и будто пришел в себя, сменив пустой взгляд на виноватый. Казалось, ему стало стыдно за эту внезапную речь.

–Налей мне, – буркнул он на ухо Льву, но достаточно громко, чтобы все остальные слышали его, это был такой знак, что он с нами.

Вероника молча тарабанила пальцами по столу. Кира смотрела в пол. Лев бросился к холодильнику за бутылкой, а я сидел в растерянности. Лишь Мерлина была абсолютно в себе, непринужденна и легка, она шепнула мне на ухо:

–Он расстался с девушкой.

–Я бросил ту, которую любил, – в подтверждение слов Мерлины объявил Роман.

–Артур,– лишь смог вымолвить я, посчитав, что стоит, все же, представиться хозяину квартиры, несмотря на неловкую ситуацию.

Но парень лишь отмахнулся, взял наполненный стакан из рук подоспевшего Льва и принялся пить.

Все за столом были напряжены, Роман опять окунулся в себя, смотря в пустоту. Казалось, он видит где-то там какой-то фильм, срежиссированный им самим, и не хочет от него отрываться. Одна лишь Мерлина постаралась вернуть непринужденную обстановку и продолжила болтать ни о чем и обо всем. Постепенно все остальные поддались ее влиянию. Но я сумел понять, что это произошло не оттого, что она умела так хорошо завладевать чужим вниманием, а лишь потому, что все решили, что не стоит отвлекать молчащего юношу своим вмешательством в его внутренний мир. Особенно он волновал Веронику и Льва. Казалось, как мой мир и мир Киры крутятся вокруг Мерлины, так и их миры крутятся вокруг Романа.

Мы разговаривали под звон бокалов, фонила музыка, чаще всего играл джаз. Мне было удивительно и приятно, что молодежь разбирается в этом направлении, ведь я сам его очень любил. Лев иногда отвлекался на то, чтобы наполнить стакан Романа. К тому моменту, как владелец квартиры пришел в себя, я был уже изрядно пьян. Да и он тоже. Ясность ума сохранила Вероника, как мне могло показаться. А все остальные были хороши…

Наконец Рома переключился на буйства и веселья, став центром компании. Многого я не помню, к сожалению, сознание после перемены настроения Романа

быстро ушло восвояси. Но было весело. По крайней мере до того момента, как я почувствовал, что меня тащат по грязному полу и укладывают на что-то мягкое, красное, видимо, кресло-мешок. Да, я уснул, что называется, мордой в стол.

Приходить в себя я стал от совокупности причин: во-первых, яркий солнечный свет буквально избивал мои закрытые во сне глаза, во-вторых, меня кто-то упорно пытался растолкать, в-третьих, стук каблуков и недовольные возгласы какой-то женщины колотили по ушам, отдавая прямо в больную голову. Свет бил в глаза, потому что с улицы в квартиру зашло во всю разбушевавшееся утро понедельника. Растолкать меня пыталась Мерлина, которая сама проснулась пятью минутами ранее. А недовольство высказывала мать Романа. Когда я присел в этом мешковатом кресле, ее взгляд пал на меня. Это была стройная женщина в красном брючном костюме, на вид ей вряд ли можно было дать за сорок, но на деле так и было. Взгляд властный, губы сжаты в сердитую линию. То, что она увидела в помещении еще и взрослого мужика, помимо обычной банды юных пьющих неформалов, как она их всех называла, буквально выбило ее из колеи, но женщина быстро взяла себя в руки.

–Этого еще не хватало! Помимо своей обычной неформальной компании юных писак и художников, ты еще и мужика какого-то сюда притащил! Дом и без того загажен! А что дальше?! Женщины преклонного возраста? Представительницы красных фонарей и ночных бабочек?! Попойки с лентяями вместо учебы – отличный выбор! А этот, видимо, ваш спонсор! Поди, хахаль одной из твоих нерадивых подруг?!

Все молчали. Чего-то ждали, сами не зная чего. Наш юный хозяин на все это сказал лишь одно:

–Мама, не говори о бабочках…

–Что?! – лицо красной женщины вытянулось в возмущении.

–О бабочках,– продолжил Рома, – ты упомянула ночных бабочек. Я не хочу слушать о бабочках. Они в животе. Все передохли. Теперь там гниение и трупный яд.

Женщина явно не хотела понять своего неординарного сына, раненного в душу. Его ответ лишь уязвил ее, потому она завопило пуще прежнего:

–Вон! Все вон! Убирайтесь!

Мерлина подняла меня под локоть. Мы вышли в коридор всей толпой, поспешно, насколько позволяло состояние, собрались и покинули помещение.

–Ох уж и истеричка его мамаша, – возмутилась Кира, морщащимся носом вдыхая морозный воздух, когда мы уже вышли на улицу.

–А это ничего, что мы его с ней оставили? – спросил я.

Вероника лишь покачала головой, а Лев попытался объяснить:

–Нет, ему ничего не будет, доведет ее, как обычно, до белого колена своими бабочками или чем там еще, она и сбежит. В их отношениях нет уважения, он считает, что она его предала. Там все сложно. Зря она пришла. Надеюсь, Рома уснет, ведь после тако пьяной ночи ему просто необходим отдых. Проследить бы за ним стоило, но оставаться было нельзя.

Мы двинулись вперед. Тем утром мне даже нравилось ощущать себя молодым и пьяным среди этих людей. Представляю, как от нас несло. Как же помяты были наши лица и одежды. Я и думать забыл о работе, о делах, о понедельнике. Постепенно мы разбредались в переулках центра города, пока не остались с Мерлиной вдвоем. Я проводил ее до дома.

–Приходи к нам в субботу, персик, – предложила она, прежде чем войти в свой старый побитый временем подъезд.

–Туда же?

Она кивнула.

–Хорошо. Может, оставишь мне свой номер?

–К обеду. Мы все будем там. Надеюсь, дорогу ты запомнил.

Ох уж эта Мерлина! Как же ей нравилось сохранять загадку! Она повернулась спиной, сделала шаг в открытую дверь и исчезла в лапах подъезда. Я тоже развернулся и пошел домой. Пора было возвращаться в мир взрослых ответственных людей. Хотелось сегодня еще попасть на работу.

VI

Честно признаться, эта неделя прошла намного проще, чем предыдущая. Даже несмотря на то, что у меня так и не было номера телефона Мерлины, у меня, все же, был ее адрес, у меня было одно ее выполненное обещание встречи в «липком», у меня была информация об излюбленном месте ее обитания. Все это делало меня к Мерлине ближе, оттого я уже не боялся так сильно, как раньше, что эта девушка оставит мою влюбленность с носом. Я мог ее найти, я мог ее поймать, я мог ее схватить.

Всю эту неделю я мог спокойно думать о работе (за исключением того самого понедельника, в который мы разошлись, ведь явился на свое место директора я в плачевном состоянии и отработал еле-еле). Конечно, я мог сволынить, но чувство ответственности перед подчиненными не велело мне подавать им плохой пример.

В пятницу я отлично провел время с детьми. Они все еще могли отвлекать меня от постоянных мыслей об этой девушке. Я радовался каждой минуте, проведенной с ними.

Когда настало утро субботы, я и дети проснулись в отличном настроении. Я отвез дочку и сына к их маме еще до обеда, потому что того потребовала моя деловая бывшая жена, имевшая на наших чад какие-то свои планы. В полдень Артур N-ович уже был свободен, как ветер, и спешил в квартиру на набережной на назначенную Мерлиной встречу.

Московское время тринадцать часов тридцать минут. Я стою перед калиткой, отсекающей меня от намеченной цели. В обеих руках по большому черному пакету. В каждом пакете алкоголь, разнообразный. Я основательно закупился, желая угодить всем новым знакомым. В голове перебираю несколько вариантов квартир, пытаясь вспомнить цифры, которые тогда нажимала Кира. Конечно,

Мери, как звали мою нимфу ее друзья, даже не удосужилась напомнить мне при расставании номер квартиры, в которой будет меня ждать. Эти ее привычки испытывать меня щекотали нервы, а я терпеть не могу щекотку. Пришлось собраться с мыслями. В итоге я смог напрячь мозги и набрать нужный номер с первого раза. На этот раз ответ был не молчаливый. Женский голос сказал:

–Алло, – ответили мне, и, судя по бархатном голосу, это была Вероника.

–Вероника? Это я, Артур, Я был у вас на прошлой неделе…

Калитка открылась без моих дальнейших пояснений. Видимо, Мерлина предупредила. Я вошел, еще раз набрал номер квартиры на подъезде, проник внутрь. Лифт уже вез меня на восемнадцатый этаж. Иголки предвкушения терзали тело, но это было так приятно.

Конечно, бессмысленно было ожидать радостную Мерлину, встречающую меня. Я и не ожидал. К слову, меня не встречал никто. Только настежь распахнутая дверь. Я зашел в коридор.

–Всем здравствуйте! – крикнул я, разуваясь.

В ответ тишина. Из комнаты доносилась медленная музыка, немного грустная и волнующая, современная. В жанрах я не разбираюсь, но мне понравилось. Я снял куртку, поднял с пола пакеты, хотел было пройти внутрь, так и не дождавшись какого-либо ответа, но меня все же встретили. Это была Вероника. Изящная, но печальная.

–Здравствуй, Артур, проходи, пожалуйста.

–Здравствуй, Вероника.

Я последовал за ней в комнату. К моему великому сожалению Мерлины там не оказалось. Только Лев и Роман. Они приветливо мне улыбнулись. Я подошел к их креслам, складывая пакеты к ногам.

–Привет, ребята. А где Мерлина?

Рома лишь молча выпустил струю сигаретного дыма в потолок, многозначительно глядя в пустоту. Ответил Лев:

–Они с Кирой в уборной.

–О, отлично, подожду, – радостно выдохнул я, усаживаясь рядом с парнями.

Рома усмехнулся:

–Мы их тут так уже не первый час ждем.

Я был в недоумении. Спросил:

–А что случилось?

–А это тебе расскажут сами девочки, если посчитают нужным, – ответил Лев.

Не поспоришь. Я не стал дальше пытаться лезть в чужие дела, молча достал мартини, откупорил бутылку и стал пить.

Вероника наблюдала на все это со стороны. Наконец не выдержала и сказала:

–Боже, мальчики, ну сколько можно потакать этому театру драмы. Я пошла за ними. В конце концов, это Мери, – имя моей возлюбленной Вероника выделила своей строгой интонацией, – позвала сюда Артура. Ей тут и плясать.

Слегка рассерженная, блондинка развернулась на каблуках и пошла на выход из комнаты. Тут до меня дошло, что можно было не разуваться. Черт побери, после воскресной пьянки мне пришлось выкинуть носки, которые были испорчены сухим цементом. Так еще и полы холодные. Лев тоже был обут в уличные ботинки. А ноги Ромы украшали тапочки-зайчики, что меня вовсе не удивило.

Ну да к черту эти рассуждения об обуви. Важнее всего то, что происходило в ванной комнате между Кирой и моей Мерлиной. Я сильно запереживал и присосался к бутылке. Отлип от нее я с кривой гримасой и тошнотой, подкатывающей к горлу. Как раз в этот момент в помещение вошла Мерлина. Расстроенная. Я тут же впился в нее взглядом, полным надежд, а она лишь

равнодушно махнула мне рукой в знак приветствия.

–Ну как там, Мери? – спросил Рома, хоть взгляд его выражал состояние безучастности.

Мерлина прошла к нам и села возле.

–Пьет, – тут она повернулась ко мне,– а тебе, Турик, она привет передавала.

Я замялся, но все же спросил:

–Мне следует знать, в чем дело или лучше не лезть?

Мерлина неуверенно пожала плечами, но сказала:

–А ты иди и сам посмотри, как она там.

Слишком легкий стук в дверь выразил мою неуверенность, но затворница разрешила войти, что я и сделал. Посреди светлой ванной комнаты сидела скукоженная заплаканная девушка с размазанной по всему лицу яркой косметикой, растрепанным пучком жестких черных волос и огромной печалью в глазах. Рядом валялась пустая бутылка колы. В руках Кира сжимала бутылку с остатками рома. Я оценил ситуацию и сказал:

–Пожалуй, если ты не против, я принесу добавки и присоединюсь к тебе.

Легкой полуулыбкой Кира выразила согласие.

Я вернулся в комнату. Мягко говоря, я был удивлен, когда увидел перед собой девушку, казавшуюся мне сильной и мудрой, в таком состоянии. Но все мы люди. Каждый из нас способен оказаться на ее месте. Тем более, я ее совсем не знаю, может для нее это в порядке вещей.

–Ну и как? – спросила Мерлина.

–Думаю, мы побеседуем, – ответил я, взяв свою открытую бутылку мартини,– только вот не введешь меня хотя бы чуточку в курс дела?

–Конечно, – Мерлина вздохнула, – раз Кира решила с тобой обпить это дело. Помнишь, она говорила про билеты на балет?

Я кивнул.

–Виктор В. ее возлюбленный. Бывший. Вчера мы ходили на балет.

Мерлина замолчала и многозначительно уставилась на меня, глазами говоря, что пора бы уже идти к Кире, не стоит заставлять ее ждать.

Я кивнул, встал и вернулся в ванную.

Сев рядом, я протянул подруге своей возлюбленной бутылку. Она приняла ее.

–Ну что, Артур, добро пожаловать в клуб неразделенной любви? – съехидничала Кира, которая была уже изрядно пьяна, и сделала очередной за день глоток алкоголя.

Я сделал вид, что не понял ее реплики, но она тут же ее развернула:

–Я же вижу, что ты тоже безответно влюблен в Мери.

–Почему тоже?

–Потому что я тоже безответно влюблена.

–В Мери? – я попытался разрядить атмосферу. Получилось: на губах Киры мелькнула неуверенная улыбка.

–Ах, если б в Мери… Давай расскажу.

И Кира рассказала.

В детстве мама отдала ее в балетную школу. А почему бы и нет, девочка была стройна, даже очень. Худышка, проще говоря. Гибкая, ловкая и подвижная. Занималась она на коммерческой основе в общем классе, где были детки разного сорта, даже одна пышка. По мере взросления Кира влюблялась в балет все больше, но балет не влюблялся в нее. В тринадцать лет она услышала вердикт строгого педагога: у этой девочки нет будущего в танцах, слишком она несуразна. Пришлось покинуть школу, оставить любимое занятие и свыкнуться с травмой, которая осталась у нее после стольких лет детства, проведенного в мире танцевального искусства. Однако, помимо травмы этот мир оставил Кире еще кое-что. Точнее, кое-кого. Она училась в одной школе с мальчиком, Витей, который был весьма хорош и подавал надежды. Но Кире в нем нравилось не это. Скорее, его добродушная улыбка, дружелюбие, отзывчивость и прочие человеческие черты. Ему в Кире тоже много чего нравилось. Они были ровесниками, к слову. И к пятнадцати годам оба поняли, что нравится им не только дружить. Они стали держаться за руки, обниматься, целоваться. В общем, у них завязались подростковые романтические отношения, которые оба воспринимали с огромной серьезностью. Кира жила своей жизнью и развивала свой путь. Витя – свой, балет. Он стал ее первым мужчиной. Все было очень серьезно. Казалось, ничто не сможет разорвать их союз, так сильно они друг с другом срослись. Одна душа на двоих, что-то в этом роде. Но только вот в двадцать лет Витю позвали выступать в столицу. Кира могла бы поехать за ним, бросив учебу, если бы он попросил. Кира могла бы не бросать учебу и ездить к нему постоянно в гости. Кира могла бы… Но только после этого приглашения в столицу что-то обломилось. Казалось, между ними разверзлась такая пропасть, которую Витя, теперь уже Виктор, признал и принял. Он, наверное, терпя невыносимую душевную муку, отверг Киру и их любовь и уехал. Он не стал даже прощаться. Вместо него это сделала его надменная мама, которая дала девочке понять, что между ними все кончено, не стоит мешать Виктору в его успехах. Так девушка и осталась одна, в городе N, с разбитым сердцем. Казалось, его вырвали из груди, шмякнули об асфальт со всей силы, оно расплюснулось, а его еще и растоптали, вдавили, размозжили… Любовь Киры была очень сильна, она была намного сильнее этого предательства, унижения. Кира не оставила попыток связаться с Виктором, но все было тщетно. Ей оставалось лишь отслеживать его судьбу через социальные сети. Когда он достиг в скором времени еще больших успехов, можно было узнать о нем что-то новое и из статей. В двадцать два он уже начал танцевать в Европе. В двадцать четыре Европа его уже боготворила. И вот, шесть лет спустя он вернулся в город N. Кира была на его концерте. Она видела его. Она крепко сжимала руку Мери, пожирая глазами мужчину, который до сих пор был ее единственным за всю жизнь возлюбленным. Он видел ее. Она пыталась добиться встречи, походя на

сумасшедшую фанатку, он об этом знал. Но все впстую. Ей лишь мельком удалось поймать на себе его взгляд, который был еще холоднее, чем воздух на вечерней улице возле театра. Но какой теперь во всем этом смысл… Это был единственный шанс что-то выяснить для себя, но шанс этот был отвергнут тем самым Витей, которого она так любила. Хотя, это тоже можно считать ответом на вопрос. И то, что Виктор В. до сих пор один, без отношений, это не значит, что в его сердце все еще есть место для Киры. Это значит, что он слишком занят для подобных увлечений. Молодость ему дана для балета. Для любви время придет после. Но не для Киры. Они с Мери пьют с пяти утра. До этого Кира просто рыдала.

–И что ты теперь будешь делать? – спросил я, когда она закончила свой рассказ.

–Ничего,– выдохнула она, присасываясь к мартин., – я буду пить, пить, пить и еще раз пить, а потом начну жизнь сначала.

–Знаешь, Кира, я где-то слышал, что психологи говорят, что если хочешь забыть человека, надо написать его имя на сигарете и скурить ее.

–Да? – она посмотрела мне прямо в глаза обреченным взглядом.– Но тогда я буду дышать им. Он будет во мне.

А ведь она права…

–Ну все равно, закурить нам не помешает, – я вздохнул, достал из кармана пачку своих крепких сигарет, протянул Кире. Она приняла мое подношение. Я прикурил ей и себе, затянулся. Густой дым медленно начал заполнять ванную комнату, пока я пытался предложить девушке помощь, – насколько этот Виктор В. тут остановился?

–Несколько дней, – отрешенно ответила она.

–Знаешь, Кира, если ты захочешь принять мою помощь, я с удовольствием сделаю для тебя, что смогу, – сказал я тоном, который умел внушить людям мою уверенность и возможность.

У меня вышло. Кира посмотрела вопрошающе. Этот взгляд я принял за знак того, что могу продолжить.

–В общем, я бизнесмен. Держу весьма крупный отельный бизнес в нашем городе. У меня очень развитая служба бронирования и информации. Если у твоего Виктора не осталось в городе N былого пристанища, я смогу включить свои возможности и найти гостиницу, в которой он сейчас находится. Может быть это даже одна из моих гостиниц. Но тут я сомневаюсь, на планерках мне никто не говорил о балетной труппе. Я прекрасно понимаю, что моя личина откроется после с твоей помощью Мери, которая терпеть не может богачей, как она мне сама сказала, но если у меня есть такая возможность, то я лучше помогу.

Звенящая тишина повисла в ванной комнате. Она подкреплялась нашим обоюдным молчанием. Я дал Кире возможность обдумать свою реплику, она приняла ее. Мы молчали до тех пор, пока басы, доносившиеся из комнаты, не поразили тишину, зависшую между нами, долбя стены вокруг нас. Эта встряска привела Киру в чувства, она заговорила:

–Знаешь, Артур, неожиданно. Зачем сильному мира сего, в данном случае, города N якшаться с юными оборванками. Ладно, Рома, он наш ровесник, но ты-то куда полез. В твоем окружении столько женщин, куда уж Мери до них, – она многозначительно вздохнула, – конечно, я расскажу ей, кто ты, – замолчав на несколько секунд, Кира оценила то, как я поник, и продолжила, – но это не значит, что она тебя возненавидит. Она вовсе не ненавидит богачей, – Кира даже легко посмеялась, – напротив, иначе бы ее с нами не было. Но просто пусть знает. Это будет наша с ней сплетя о тебе.

–Успокоила.

–Да ладно,– смеясь продолжила она, – я и собиралась это сделать. Знаешь, я благодарна тебе за то, что ты решил разоткровенничаться ради моего благополучия и предложить помощь. Но я откажусь. Ты потратил свое раскрытие впустую. Я понимаю, что даже если мне и удастся встретиться с Виктором, мне не удастся его получить, вернуть и даже выяснить, что происходит. Он отрекся от меня. И вообще от каких-либо отношений. Он заплатил такую цену своему успеху, развитию. И я ничего не смогу сделать. И не стану пытаться.

–Кира, ты учишь меня плохому, – не унимался я, – ты подаешь плохой пример. Ты сдаешься в борьбе за любовь!

Она приложила указательный палец к моим губам, призывая умолкнуть, и тихим, но твердым голосом сказала:

– Настоящая любовь – это акт жертвы, а не акт эгоизма. Преследовать его, донимать – означало бы бороться за свой эгоизм. Тот, кто любит, отпустит, если будет уверен, что так будет лучше. Любовь дарует благо. Навязываться – не значит любить. Это уже мания какая-то. Кто любит, тот умеет не держать. Свобода – залог любви. Пусть и односторонней. Но такая любовь ведь тоже бывает. Надо быть честным с собой, Артур. А в любви нет лжи, только честность. С возлюбленным. И с собой.

Она замолчала. Я тоже не говорил – переваривал сказанное. Подумал, что она права. Несколько минут мы сидели в немоте, фоном которой были звуки громкой музыки из комнаты, бок о бок. Молчание прервала Кира:

–Знаешь, Артур, мне стало легче, после того, как я рассказала незнакомому человеку, то есть тебе, свою историю. И сама ответила на свои вопросы. Не зря люди исповедуются психологам, барменам, таксистам и прочим чужакам, – она улыбалась,– но бармен не произвел бы такого эффекта. Все-таки, он совсем чужой. А ты немного ближе.

Она встала.

–Пошли к ребятам?

Вновь возвышенная, хоть пьяная и с размазанным лицом, Кира стояла, излучая спокойствие и мудрость, смотря на меня сверху вниз и протягивая руку.

–Пошли, – я принял ее приглашение, встал с ее помощью, и мы вышли ко всем.

Наше возвращение было воспринято с облегчением. Вернее слова не подобрать. Ну и с радостью, судя по тому, как Мерлина бросилась на шею Кире, предварительно чмокнув меня набегу в щеку и сказав, что я чудо. Господи, уже

только ради одного этого детского поцелуя можно было бы торчать с зареванной женщиной в одной комнате. Нет, я не сказал бы, что общение с Кирой мне пришлось в тягость. Наоборот, я даже рад, что мы сблизились. Просто я не знаю, что еще сказать… Мерлина меня поцеловала!

Обстановка в доме Романа трансформировалась из тягучей и тусклой в радостную и энергичную. Так всем нравилось больше. Алкоголь, громкая музыка, сигаретный дым. Честно говоря, для меня это было перебором, такое пьяное времяпровождение, но раз уж другого способа находиться рядом с любимой у меня не было, приходилось мириться. Я чувствовал, как превращаюсь постепенно из серьезного успешного взрослого мужчины в какого-то бестолкового прохиндея, живущего одним днем, причем жизнь эту свою прожигающего. Пока я был еще не совсем пьян, хотелось пригласить Мерлину в следующий раз на трезвое общение. Только было не время, она-то уже была хороша. Из-за всего этого осознания алкоголь в меня уже не лез. Это и мое состояние в целом заметил Роман.

–Боишься за печень? – саркастировал он, подсаживаясь ко мне за стол.

Я молчал, не знал, что ответить.

–Я вот сегодня не пью,– продолжил он.

Я осмотрел его, убедившись, что извечно грустные глаза его были действительно трезвы.

–Ну раз ты не пьешь, тогда зачем тебе в доме все эти попойки? Неужели ребятам больше некуда пойти? У Мерлины, например, тоже своя квартира.

Рома откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

–Не в том дело,– отвечал он, – у всех ребят есть свое жилье. У каждого разное, но есть. Это, скорее, некий симбиоз. Я предоставляю им хату на попойки, хотя они не алкота какая. Зато тут своя атмосфера отрешенности, которая нужна каждому из них. Здесь можно все. Своеобразный Вегас, в котором остается все происходящее. Только маленький и грязный.

–Не такой уж и маленький, – усмехнувшись, перебил его я.

–Спасибо,– Рома принял мой комплимент по поводу размеров свое квартиры и продолжил. – В общем, тут они получают то, что им нужно. А я в свою очередь не остаюсь один. Боюсь одиночества. Такой своеобразный энергетический вампиризм. Мне нужны люди, иначе я боюсь, паника наступает от чувства ненужности. Со странностями я, да?

Я хотел было что-то ответить, но Рома не дал, тут же продолжив свою речь после риторического, как оказалось, вопроса:

– В общем, эти пятеро – люди, которые не меняются, находятся тут постоянно. Но есть и переменные. Всех подряд к себе пускаю, на кого душа чуть облокотится. Ну или кого они притащат. Мне нужны компании вокруг меня, иначе я не чувствую, что хотя бы существую, не говорю о том уже, что и живу.

Рома смотрел на меня и осознавал, что я так и не проникся до конца в его исповедь. Он был разочарован. Встал и решил от меня удалиться.

–Пойду лучше порисую, – заключил Роман и направился в угол, где стоял занавешенный мольберт.

Когда он сдернул ткань, я стал приглядываться. При свете дня можно было разобрать, что нарисовано на холсте. Это был вид из окна. Талант у парня был неимоверный. На одной картине переходящий через все стадии суток, от раннего утра до глубокой ночи. Происходящее на холсте казалось настолько великолепным, что я твердо решил, что хочу видеть итог работы над этой картиной.

Ко мне подсела Кира, которая, как мне довелось углядеть, пила уже черный чай, и заговорила:

–Я заметила, как ты глазами облепил Рому и его работу.

Я кивнул.

– Он талантливый до ужаса. Не знаю даже, в чем больше,– продолжила она, – в рисовании или в письме.

–А что ты еще о нем знаешь? – я решил воспользоваться возможностью и утолить свое давно назревшее любопытство.

– Да почти все,– она закурила и продолжила говорить сквозь дым, – но не совсем все. А все о нем знают Лев и Вероника.

–Ну а что он за человек?– не унимался я.

–Потрясающий человек, – заверила меня Кира, – но ты ведь не об этом спрашиваешь. Он потрясающий и одновременно трудный. А эта квартира – подарок папы, который откупился от сына, точнее, откупается до сих пор. Важная шишка, депутат в нашей областной думе. Поэтому как бы Ромкина властная мама ни билась с ним и его отцом, у нее ничего не получается. Рома принципиально устраивает тут попойки. А отец не хочет ему перечить, чтоб лишний раз не связываться. В общем, типичный баловень, страдающий от разрушенной семьи. Он творческий парень, поэтому для него все сложно, намного сложнее, чем для рядового сына. Зато он может не работать и полностью отдавать себя своему творчеству, так как папаша его держит на полном содержании, несмотря на Ромины двадцать три года.

Я примерно понял, как обстоят дела, но решил еще кое-что уточнить, вспомнив его реплику о любви, сказанную на прошлой неделе.

–Ну а с возлюбленной брошенной что за история?

–Должность есть такая, помощник депутата,– зашептал мне на ухо знакомый мужской голос, то был Роман, стоило мне упустить его из вида, он оказался тут как тут…

–И давно ты здесь? – как ни в чем не бывало спросила его Кира, причем, тон скорее был обвинительный, мол, нечего подслушивать. И ее вовсе не волновало, что это мы с ней сплетники.

–Со слов о том, что я могу не работать, – спокойно ответил он и после обратился ко мне, – так вот, про помощника депутата… У моего бати это была помощница. Мы с ней любили друг друга полгода, пока я не узнал, что они с батей тоже «любят» друг друга. Куда дольше, чем пол года. И я решил не рушить ей жизнь, бате тоже. Ну и бросил ее. Без объяснений. Страдала бедняжка. Но куда деваться.

Рома развернулся на пятках и удалился от нас.

–Да, все так и было,– подтвердила Кира, – правда более красочно, но не думаю, что стоит в это углубляться. Собственно, по этой причине от от него и откупается.

Я согласился и вспомнил, что потерял из вида самое главное – Мерлину. Прошуршав комнату глазами, я убедился, что здесь ее нет. И где мне ее теперь искать? Решил исследовать остальные уголки квартиры, в которых я еще не был (лоджия и туалет). Сначала я двинулся на лоджию. Не прогадал. Когда я распахнул дверь, то застал Льва, Веронику и мою Мерлину именно там. Они выпивали и общались. Темы, вроде, отвлеченные. Мери и Лев были весьма беззаботны, а Веронка ,как всегда, строга.

–О, проходи к нам, – Лев даже обрадовался мне.

Я зашел. Меня обдало холодным воздухом, так как окна были распахнуты, видимо, из-за невозможности дышать сигаретным дымом. Все были одеты легко. Я испугался за здоровье Мерлины и предложил ей одеться, на что получил категоричный отказ. Алкоголь в их крови грел тела, но это было обманчивое ощущение, а мне не хотелось застать Мерлину через пару дней в кровати с температурой.

Боже, как мне хотелось просто забрать ее оттуда. Нет, не с лоджии. А из этой квартиры. Как мне хотелось заставить прекратить ее прожигать свою жизнь, умыть, уложить спать, а потом разбудить и просто сделать своей женой, хорошей примерной женой. Но это было несбыточное желание.

Женщина-это такое создание, которому по природе просто необходим мужчина. И не только как защитник и несокрушимая стена, а как объект заботы. Женщина

пришла в этот мир, чтобы нести красоту и заботу. Когда женщина одна, она находится в противоестественном состоянии. Она стирается из этого мира грань за гранью. Сколько холостячек живёт с пустыми холодильниками и немытыми полами, находясь постоянно вне стен своего дома, потому что в поисках. Женщина вне дома – это противоестественно. Женщина хранит очаг. А кто будет хранить очаг, если женщина в поисках где-то там? Но это и понятно, ведь хранить очаг она должна для кого-то, имея знание того, что этот кто-то будет возвращаться туда изо дня в день, и для него у неё есть тот самый стимул нести свою женскую функцию в этот мир.

С правильным мужчиной женщина расцветает и становится тем, кем быть положено. Не надо осуждать одиноких и брошенных женщин за постоянные поиски и скитания. Просто они пытаются найти того, с кем будут соответствовать своей природе.

Я убежден во всем этом. И Мерлина вовсе не исключение. Но нужен ли ей этот очаг со мной… Сомневаюсь.

Хотя, очаг ей в любом случае нужен. Вот вспомнить мою бывшую жену… Если смотреть правде в глаза, она была в возрасте Мерлины намного ярче и привлекательнее. Ну это объективно. Внешне она была прекрасна. Настолько прекрасна, что мужчины оборачивались ей вслед. Помимо этого она была умна. Эта гремучая смесь ума и красоты давала ей власть над мужчинами. Но она ей не пользовалась, мужчин она сторонилась. Позже я узнал, почему, но об этом можно не рассказывать. В обществе мужчины устраивали из-за неё бурные споры. Но ей это не льстило. Её отношение к мужчинам граничило с ненавистью. А ещё она была жестока. Жестокость её походила на детскую. На ту, самую страшную, жестокость ребёнка, отрывающего кузнечику лапки. Хладнокровно и блаженно, не осознавая чужой боли и своего греха. Несмотря на это, я её полюбил. Нет. Именно за это я её полюбил. За то, как она выглядела, когда вела себя с кем-то по-детски жестоко. Хладнокровно. Причину своей любви к ней я осознал позже. Но было поздно. Тогда я уже был кузнечиком без лапок. И вот, когда я подползал к этой яркой фурии, пораженный прямо в сердце, но желавший испытать последний шанс, предлагая ей всего себя, вместе с руками и сердцем, когда я убедил ее в своем серьезном намерении, я смог таким образом всковырнуть скорлупу, высвободив истинную хранительницу очага. А о том, какой она оказалась матерью, я уже упоминал.

Если подобная метаморфоза произошла с такой женщиной, как моя бывшая жена, то и Мерлина ей подвластна. Только вот… Метаморфозе этой, как пить дать, Мерлина подвластна, но я уже заранее предвижу, что не подвластна она мне. Хотя, пробовать всегда стоит.

На лоджии я оставаться в тот кон не стал, вернулся к Кире. Мы с ней беседовали на отвлеченные темы и оба ждали Мерлину. Наконец, троица вернулась в помещение. С холода они даже протрезвели. В итоге в квартире не осталось ни одного пьяного в дупель человека, все были вполне в себе в сознании.

Заговорили про Новый год. Да, 2020 неизбежно приближался. Для меня это, в первую очередь, означало много изменений на работе, но раз уж мы сейчас не об этом, то и черт пока с ней, с этой работой. Касаемо самого праздника, день 31 декабря и день 1 января я должен был бы провести с детьми. У ребят тоже были свои планы. Они были согласны посвятить в них меня, да еще и причислить на совместное времяпровождение. Этому я был, конечно, рад, но надо было все хорошенько обдумать. Всем, наверное, известна примета: как Новый год встретишь, так его и проведешь. Так вот, меня дико прельщала возможность встретить 2020 и провести его с Мерлиной.

–Будем отмечать здесь, – заверил всех Лев.

–В том же составе? – спросила Мерлина.

–Ну, как минимум, будет еще плюс один человек, – поправила Вероника, – приедет мой брат с города L. Где-то 29 декабря. Пару дней мы побудем с семьей. А вот сам праздник встретим в нашей веселой компании.

–И зачем ему оттуда, с Юга, с такого прекрасного теплого города, ехать к нам, в серую яму, – пробурчал чем-то недовольный Рома, – не мог меня к себе забрать вместо этого… Вот он кусок же…

Его проигнорировали, вместо реакции на сварливую реплику Кира обратилась к Веронике:

–Этот брат – Ян? Красивый такой, позапрошлым летом приезжал… На неделю, вроде.

Вероника кивнула.

–Красивый, – подтвердил Рома, – только не про твою честь.

–Ну и отлично, – отреагировала Кира, но только на кивок Вероники, Ромины же фырканья снова прошли куда-то мимо, – будет мне удовольствие пообщаться с красивым молодцом, мимолетный роман подлатает душевные раны.

На фантазии Киры тоже не было никакой реакции. Вероника вместо этого добавила:

–А, ну и еще у него тут очень близкий друг живет. Спортсмен. Его он притащит сто процентов, так что плюс два.

–Вечно таскает с собой кого-то, – продолжал ворчать Рома, – такое ощущение, что он и не скучает по мне вовсе.

Помимо пустых возражений Ромы, все остальные были согласны. Перепады настроения Романа и его реплики особо никого не волновали. Да и смысл его слов ,судя по реакции, понимали не все. Разве что, Лев и Вероника, что и неудивительно. Но и им это все было пустое.

–Еще от кого-то будут гости? – спросил Лев.

Ребята пожали плечами, отрицательно помотали головой. В общем, каждый по-своему дал понять, что никто никого больше тащить не собирается. Тогда в разговор вмешался я:

–А вы что это, и меня считаете?

–Ну сказано же было, что речь идет про всех здесь сидящих,– продолжал ворчать Рома, хотя я даже через эту старческую маску недовольства чувствовал, что этот парень расположен ко мне хорошо.

–Что ж, мое почтение и благодарность,– ответил я Роме вежливым кивком головы, улыбкой пытаясь выразить всю свою ответную приязнь к нему, – однако попрошу не на все сто на меня рассчитывать, потому что я еще не знаю, как сложится предновогоднее время у меня.

–Не переживай так, персик, – вмешалась Мерлина, как будто что-то знала, – все решим. Времени не в обрез.

Точно, она, наверное, давно уже знала про моих детей от Киры, просто не подавала вида. Но надо будет выяснить этот момент. А что, если да? Тогда ее отношение к этому, вроде, весьма положительное. Раз так, надо будет ее с моими малышами познакомить, она им точно понравится. Хотя, что это я бегу вперед паровоза. Надо все уточнить.

Завели предновогоднюю тему, которая всем пришлась по душе, кроме Романа. Рому, почему-то, эта тема скорее раздражала. Или не сама тема Нового года, а просто все вокруг происходящее. Или просто всё. Он осмотрел сидящих с ним за одним столом взглядом изучающим, в то же время пренебрежительным. Как профессор, к которому на пересдачу пришли заядлые двоечники, не уважающие его предмет. Внезапно, привстав, он с какой-то ранимой, но все же, яростью стукнул ладонями по столу и полу криком произнес:

–Боже, отвратительно! Какие вы все скучные и трезвые! Шелестите что-то! Попойка будет? Я буду пить! Если вы такие все милашки-обояшки, то я вызываю подкрепление.

Сидящие вокруг него, все, до единого, встрепенулись и посмотрели на него с недюжим удивлением. В его на них взгляде был вызов. Я сидел отрешенно, так же и чувствовал себя. Вероника пришла в себя первой, обеспокоенно вскочила и метнулась к пакету, который стоял, набитый бутылками, возле стены.

–Конечно будем! – ответила она, в суете потроша пакет, – конечно будем.

Но Рому ее ответ уже мало интересовал, он набирал чей-то номер телефона, раздраженно впиваясь указательным пальцем в сенсор.

Когда перед всеми стояли наполненные бокалы, я понял, что сегодня это точно не то место, где мне бы хотелось остаться и оставить Мерлину. Я уже начал

обдумывать план действий, как бы поскорее вызволить себя и ее отсюда, при этом не задев ничьих чувств. Минуты потянулись, я еле-еле цедил алкоголь. Ребята справлялись с ним быстрее. Но Рому это никак не утешало. Он выглядел в тот момент, как абсолютно разбитый человек, разорванный, что ли, на куски, начинающий разлагаться в сырой почве своего внутреннего мира. Ребят он презирал за то, что они не хотели способствовать ему в его собственном гниении. Он хотел чьей-то помощи, но той страшной помощи, которая поскорее приведет его трупный яд души в действие и опустит на дно моральной могилы, которую он так усердно в себе копал. В общем, не друзья ему нужны были в этот момент, а собутыльники, да пожестче. Вот что читалось на его лбу, он это и не скрывал. Ему было плевать на то, что он ранит своим поведением друзей, особенно Льва и Веронику, которые, как я уже успел понять, носятся с ним, как куры-наседки со своими яйцами. Он был в тот момент в полной зависимости от своих душевных ран. Раны эти так больно саднили, что ему понадобился анестетик. Вскоре звонок домофона оповестил нас о прибытии такого вот «анестетика».

Гости зашли идеально подходящие планам хозяина. Трое парней, облаченные в спортивные куртки, штаны, шапки, обувь, как будто вылезшие из одного инкубатора. Бритоголовые, как на подбор, с бесцветными славянскими лицами, носами-картошками, белесыми бровями и ресницами. Держались они нагло, я бы даже сказал, борзо, в доме Ромы чувствовали себя расслабленно. В нашу компанию они уж точно никак не вписывались. Я сначала даже не поверил в то, что Рома сможет с ними как-то общаться, но он, на удивление, бодро вскочил и подлетел к троице.

–Тим, Болт, Егор, здорова! – жал он им руки, будто бы свой.

Этот нежный мальчик со слегка вьющимися волосами, вечно устремленными в даль глазами, кажущийся временами даже хрупким, скорее всего не из-за внешних данных, а из-за состояний души, выпяченных напоказ, в один миг изменился. Он нырнул в болотце этой гопоты, как будто рыба их сорта. От него тут же повеяло неприкрытой агрессией и быдлячеством. Находиться в этом доме стало еще неприятней.

Пока хозяин потрошил пакет вновь прибывших, обменивался с ними любезностями на непонятном молодежном языке определенных кругов, я прибился между Мери и Кирой и попытался выяснить, что за цирк с участием диких зверей тут происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/golovacheva_anastasiya/moya-merlina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити